

Руслан Мельников

РЫЦАРИ РЕЙХА



Руслан Мельников

Рыцари рейха

Серия «Тевтонский крест», книга 4

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141760*

Рыцари рейха:

Аннотация

Бывший омоновец, а ныне княжеский воевода Василий Бурцев на своей шкуре испытал буйный норов Господина Великого Новгорода. Усмирять толпу мятежников пришлось с помощью трофейного пулемета.

Вече, скорый суд... Лишь вмешательство Александра Невского спасло Бурцева от верной смерти. Но и почетная ссылка в Псков не принесла покоя. Таинственное исчезновение супруги Агделайды, внезапное нападение эсэсовцев – и воевода с верными дружинниками оказывается в Венецианской республике. Оттуда русичам предстоит отправиться дальше – в Святые Земли, где властвует фашистско-тевтонский орден Хранителей Гроба. Где бродят слухи о чудо-оружии немецких колдунов.

Книга публикуется в новой, авторской редакции.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	22
Глава 3	29
Глава 4	34
Глава 5	40
Глава 6	46
Глава 7	53
Глава 8	59
Глава 9	63
Глава 10	69
Глава 11	75
Глава 12	81
Глава 13	87
Глава 14	92
Глава 15	96
Глава 16	102
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Руслан Мельников

Книга четвертая.

Рыцари рейха

*(Обновленная
авторская редакция)*

Пролог

Светало. Утренний воздух был свеж и покоен, а солнце еще не превратилось в раскаленный медный котел, подвешенный к небосклону. Умирать не хотелось, и не хотелось питать своей кровью Святую Землю, истосковавшуюся по влаге. Но два войска уже застыли в тягостном ожидании на полпути между Аккрой и Хайфой. Ровное, как струганая доска, безводное и необъятное пространство, что идеально подходит для конных сшибок, разделяло противников. По потрескавшейся от зноя равнине гулял ветерок – слабый, мирный не предвещавший бури. Пыль не поднималась выше конских бабок. А противостоящие армии казались друг другу далеким и безобидным миражным маревом.

Странные то были армии. Невиданные, немыслимые...

Над первой – многочисленной, шумной и пестрой – зеленые полотнища пророка Мохаммеда развевались рядом со знаменами Христовых рыцарей. Мусульманский полумесяц соседствовал с красными на белом крестами тамплиеров и белыми на красном – иоаннитов. Панцирная кавалерия правоверных стояла бок о бок с закованными в латы воинствующими монахами Храма и Госпиталя¹. А спесивые светские рыцари Иерусалимского королевства, не принадлежавшие ни к одному из орденов и позабывшие перед лицом общей опасности бывшие усобицы и распри, выстраивались единой линией авангарда вперемежку с легковооруженными лучниками сарацинов. Живая стена эта, готовая ударить первой или первой же принять вражеской удар, пестрела рыцарскими гербами, разномастными стягами, вымпелами, нашеломными наметами², куфьями³, яркими щитовыми эмблемами восточных воинов и причудливой арабской вязью.

Еще более удивительно выглядело воинство, противостоявшее объединенным силам европейцев и сарацинов. Тут

¹ Прим: тамплиеры именовались рыцарями Храма или храмовниками, поскольку долгое время резиденцией этого рыцарско-монашеского ордена являлся Храм Соломона в Иерусалиме. Иоаннитов же называли госпитальерами из-за основанных ими в Святой Земле «госпиталей» – странноприимных домов, в которых «гость»-паломник всегда мог рассчитывать на кров, защиту и медицинскую помощь

² Прим: светлая ткань, крепившаяся поверх шлема для защиты от солнца. Наметы европейские рыцари начали использовать в Святой Земле по примеру сарацинов

³ Прим: арабский головной убор

тоже хватало крестов, причем, с избытком. Только все они сплошь были черными. Правильные четырехконечные и усеченные – «Т»-образной формы – тевтонские кресты украшали белые знамена и белые щиты. И белые плащи братьев ордена Святой Марии, надетые поверх кольчуг и лат. И серые котты полубратьев-сержантов. И стальные нагрудники орденских кнехтов.

Черными крестами были помечены также туши огромных стальных монстров песочного цвета. Их было всего несколько штук, но каждый стоил целой армии. Словно ожившие барханы, с металлическим лязгом и скрежетом, они ворочались среди рыцарской конницы и внушали ужас одним лишь своим видом. Чудовища раскатисто взрыкивали, пугали коней, выпускали клубы вонючего дыма. Вокруг железных гигантов рокотали трехколесные повозки, не нуждавшиеся в лошадиных упряжках. Из повозок хмуро взирали люди без брони, мечей и копий, но в чудных желто-коричневых одеждах неместного покроя, в касках-колпаках, украшенных миниатюрными рожками, и со страшным оружием, незнакомым оружейникам Запада и Востока.

Такие же воины выпрыгивали из самоходных коробов на колесах. Выпрыгивали – и растягивались длиной цепью. Каждый нес на груди знак орла, широко раскинувшего крылья. И красную, с черным кантом, повязку на левом рукаве. А на повязке – белый круг. А в круге – черный крест. Но особенный, не такой, как у тевтонов. Свороченный набок. С

изломанными концами.

Облаченные в оливковую форму солдаты цайткоманды СС, несли на себе фашистскую свастику.

Немецкие танки с угрожающим ревом начали выдвигаться вперед, занимая позицию на ударном острие тевтонского клина. Позади – слева и справа рассыпались мотоциклисты и автоматчики. А уже под их прикрытием выстраивалась боевая трапеция орденового братства. Рыцари – в голове и на флангах, оруженосцы, стрелки и кнехты – внутри. Магистры, маршалы и комтуры – сзади.

Носители повязок с поломанными крестами действовали быстро и молча. Лишь изредка в их рядах звучали на немецком отрывистые краткие команды, похожие на собачий лай. Братья ордена Святой Марии пели протяжные церковные гимны. Разноязыкое воинство на другом конце поля тоже истово молилось перед боем. Противники тевтонов просили помощи у Христа и Аллаха.

Потом вдохновенные моления в обеих армиях прекратились. Разом, вдруг, словно по команде. Смолкли танковые и мотоциклетные двигатели. Несколько секунд гнетущей тишины – и новые звуки устремились к небесам. Пронзительный рев рогов, всполошный вой труб, гулкий бой барабанов...

Христианско-мусульманское войско ударило первым.

– Бо-се-ан!⁴ – огласил окрестности боевой клич рыцарей Храма.

– Про Фиде!⁵ – клич госпитальеров-иоаннитов) – подхватили братья ордена Святого Иоанна Иерусалимского.

– Деус Волт!⁶ – провозгласили рыцари авангарда.

– Аллах Акбар! – дружно грянули идущие в атаку сарацины.

Кавалерийский вал катился на черные германские кресты, выбивая подкованными копытами пыль из иссохшей земли. Немцы не отвечали и не двигались. Немцы выжидали. Немцы подпускали противника ближе.

И еще ближе.

И еще...

Певучие стрелы и короткие арбалетные болты взвились в небо и тысячежальной тучей обрушились на выползших далеко вперед стальных монстров. И – ничего. Стрелы ломались, болты отскакивали от танковой брони.

Это, однако, не остановило атакующих. Луки и арбалеты

⁴ Прим: клич и одновременно название тамплиерского знамени

⁵ Прим: «За веру!» (лат.)

⁶ Прим: «Бог желает!» (лат.) – традиционный клич крестоносцев в Святой Земле

были заброшены в наспинные саадаки и седельные чехлы. Опустились тяжелые копья и поднялись щиты. Сверкнули на солнце обнаженные клинки – прямые и кривые. Громче, яростнее и отчаяннее грянули боевые кличи.

– ...е-ан!

– ... и-де!

– ... олт!

– ... ар!

А потом...

– Фоейр!

... потом криков слышно не стало. И рогов, и труб, и барабанов. Только заглушающие все и вся громовые раскаты покатались по высохшей равнине. И устремились далеко за ее пределы.

Танковые пушки, пулеметы, «шмайсеры», карабины снайперов и минометы, установленные в кузовах грузовиков и полугусеничных тягачей, встретили атакующих оглушительными залпами по всему фронту. Разрывы мин и снарядов, свист пуль и осколков. И вопли умирающих. И ржание перепуганных, сбрасывающих всадников коней. И разлетающиеся куски человеческих тел, и рваная сбруя, и разбитые щиты, и искромсанные доспехи. И кровь... И кровь... Много крови... Людей и лошадей выкашивало десятками, сотнями.

Разношерстный авангард poleg сразу, сбитый первыми порывами огненного смерча. Но кавалерийская лавина, следовавшая за ним, не останавливалась. Лавина уже взяла раз-

гон. И рыцари, и сарацины были наслышаны о могуществе немецких колдунов и знали, на что идут. А потому упрямо шли дальше. Мчались, неслись.

С именем Христа и Аллаха на устах задние ряды пролетали по трупам передних. И натыкались на новые залпы. И тоже разбивались о стену огня и свистящего металла, так и не добравшись до врага.

А вокруг плевалась сухими комьями, выла и ревела вздыбленная земля. Выл и ревел горячий воздух, пахнувший вдруг отвратительным смрадом с отчетливым серным душком. И в конце концов взвыли и взревели сами небеса.

Две огромные птицы – все с теми же черными крестами на неподвижных крыльях – обрушились из-под облаков на головы атакующих. Звено «Мессершмиттов» стремительными демонами ада проносилось над смешанным, утратившим порядок и напор рыцарско-сарацинским войском. Смертоносный град сыпался сверху, не зная пощады...

* * *

Осколочным снарядом разнесло в клочья эмира Дамаска Илмуддина⁷ и его телохранителей. Взрывной волной сбросило с перебитого конского крупа благородного Жана д'И-

⁷ Прим: о реальном эмире Илмуддине Санжаре известно, что гораздо позже описываемых событий он выступал против султана Бейбарса

белена, сына Бальана II и Марии Иерусалимской⁸, который возглавлял передовые отряды наступавших. Пропали из виду три золотых льва на красном поле – герб магистра Сицилии, Калабрии и Великого магистра ордена Храма Армана де Перигора⁹ Где-то под окровавленными трупами сгинул еще один красно-золотистый геральдический знак – три желтые крепостцы на червленом фоне, составлявшие древний герб магистра братства Святого Иоанна Иерусалимского Гийома де Шатонефа¹⁰. Пали зеленые знамена сарацинских шейхов и сеидов, пали сшитые из двух полос – белой и черной – штандарты тамплиерских магистров, маршалов, сенешалей и командоров. Пали красные с белыми крестами стяги иоаннитов.

И только тогда началось наступление крестов черных. Взревели и рванули вперед танки. Вслед за ними сдвинулась с места тевтонская «свинья». С шага – в рысь. С рыси – в тяжелый галоп...

– Готт мит у-у-унс!¹¹ – вскричали из-под глухих ведрообразных шлемов братья ордена Святой Марии.

⁸ Прим: согласно некоторым источникам, настоящий Жан I д'Ибелен скончался в собственной постели в 1236 году

⁹ Прим: На самом деле Арман де Перигор погиб в битве с мусульманами при Газе (Ла-Форби) 17 октября 1244 г. По другой версии Великий магистр тамплиеров попал в плен, но сарацины отказались освободить его за выкуп.

¹⁰ Прим: реальный Гийом де Шатонеф являлся магистром ордена иоаннитов-госпитальеров в период с 1242—1258 гг.

¹¹ Прим: Бог с нами! (нем.) – боевой клич Тевтонского ордена

Эсэсовцы наступали безмолвно. За них говорило оружие. И шума оно производило куда больше, чем воинственные возгласы союзников.

Ситуация на поле боя изменилась. Нападавшие больше не нападали. Расстрелянные, рассеянные, сломленные, лишенные знамен и военачальников, они наконец в полной мере осознали тщетность бессмысленной атаки. И отходили, отступали, бежали... Лишь немногие еще пытались сопротивляться. Отдельные разрозненные группы, сохранившие подобие боевого строя, смыкали ряды. Всадники спешили, не надеясь более на взбесившихся израненных лошадей. Вставали плечо к плечу, щит к щиту. Тамплиеры, иоанниты, сарацины, рыцари-одиночки, предпочитавшие смерть в бою позорному бегству...

А смерть была неминуема. В небе кружили неумолимые «Мессершмитты». Танки уже не стреляли – танки просто давили храбрецов, что осмеливались встать у них на пути. В пробитые «тиграми», «пантерами» и «рысями» бреши по отчетливым следам гусеничных траков – по кровавой каше из тел и смятого металла – вклинивался живой таран тевтонских всадников. Пулеметчики и автоматчики на флангах прикрывали атаку и расчищали путь рыцарскому строю. Самим орденским братьям оставалось лишь довершить расправу.

Бронированное рыло и фланги «свины» раскрывались, распадалась на части, выпуская из своего чрева легкую кон-

ницу и пехоту братства Святой Марии. Тевтонские кнехты и эсэсовские автоматчики добивали раненных. Конные братья, полубратья и оруженосцы уже без всякого порядка неслись меж танков и мотоциклов. Порядок теперь был не нужен: скоротечная битва закончилась, начиналась погоня и избиение.

В Палестине вершил свою волю новый хозяин.

Глава 1

Дубовый стол, длинные скамьи, заполненные меньше чем на треть, знакомые лица. Угрюмые, мрачные лица... Старая гвардия: новгородец Дмитрий, татарский юзбаш Бурангул, польский пан Освальд, литвин Збыслав, прусс дядька Адам, китайский мудрец Сыма Цзян. Да еще княжеский пи-сец и ученый муж Данила. Да Гаврила Алексич, оставленный Александром Ярославичем в помощь. Вот, собственно, и все.

Место владыки Спиридона пустовало. Новгородский архиепископ отправился с очередной неотложной ревизией по дальним монастырям и скитам. Лучшего времени не нашел! И посадник Твердислав куда-то запропастился. Тысяцкий Олекса тоже почему-то явиться не соизволил. Давно уж послан отрок за обоими, но до сих пор – нет никого. Пришлось начинать без них.

Да, в просторной горнице, где обычно проходили княжеские советы, сейчас было угнетающе малоллюдно. И сам князь отсутствовал. И большая часть его думных людишек не сидела по своим местам. Снова в походе наш Ярославич. Псковичи, уже пару месяцев жившие без своего князя, совсем распоясались. Тамошний посадник польстился на ливонские посулы и переметнулся к немцам. Лазутчики до-несли: орденские рыцари уже выступили к городу. Надобно было порядок наводить и притом незамедлительно, не рас-

трачивая драгоценное время на вечернюю склоку, сбор ополчений и снаряжение новгородских полков. Тут шла гонка с немцами: кто поспел, тот Псков и съел. А от Пскова-то до Новгорода – рукой подать.

Князь увел с собой, почитай, всех своих ратников. И татар Арапши заодно. Оно и понятно: быть может, драться с ливонцами придется, или, чего доброго, штурмовать псковские стены, а это – не фунт изюма съесть. Так что в Новгороде осталась лишь малая дружина. Ну, то есть, очень малая. Во главе – воевода Василий. Василько, как кличет его сам Александр Ярославич. Василий Бурцев – бывший омоновец, бывший рыцарь, а ныне... Бурцев невесело усмехнулся: вроде как замкнязя он тут ныне.

В отсутствие Александра, прозванного после давней победы над свеями Невским, у него, у зама-воеводы, должна болеть голова о порядке в буйном Новгороде. Присматривать нужно, чтоб посадник не чудил, чтоб вече не своевольничало, да чтоб купцы-бояре, с немчурой тайную дружбу водящие, лихих делов не понаделали. В общем, ответственность – жуть, а реальных рычагов воздействия на норовистых новгородцев – никаких. Дружина в сотню воинов – вот и весь его административный ресурс вкупе с силовыми и карательными органами. Та же сотня обеспечивает охрану княжеской семьи и семейств дружинников. И Аделаиды...

Бурцев улыбнулся, вспомнив о жене. Грустит милая женашка чего-то в последнее время много, а поговорить по ду-

шам все как-то недосуг. Ничего, вот вернется князь... Но до тех пор ему с малой дружиной надлежит беречь покой горожан. И любимой. Бурцев вздохнул. Эх, дружина, мать-перемать! С такими силами, блин, и детинца Новгородского не шишко удержишь, ежели что...

Нет, военного, да всякого оружного люда в городе, конечно, хватало и даже, на взгляд Бурцева, с избытком. Но то все ратники из местных, пришлому князю вне военных походов не подотчетные. У посадника, да у тысяцкого – свои гриди и паробцы. И у владыки-архиепископа – личная дружина. И у бояр, что познатнее, есть немалые отрядики, и у купцов-богатеев тоже. И ничейные разбитные ватаги повольников шныряют по улицам. Коли подступит к Господину Великому Новгороду какой враг извне, объединятся, конечно, ратные люди. Плюс к тому ополчения кончанские и уличанские старосты соберут. В общем, супостату мало не покажется.

Но вот если червоточинка изнутри город разъест? Если бунт вспыхнет – слепой, безумный, с повсеместной резней и избиением? Много ли тогда сделаешь с двумя полусотнями верных людей? А червоточинка ведь имеется! Немало новгородских купцов, да бояр, да житых людей¹² терпят сейчас убытки от торговой блокады, которую незримо, но твердо держат немцы после Ледового побоища.

¹² Прим: обеспеченный новгородский «средний класс», финансировавший торговые экспедиции и получавший долю от прибыли

Дело-то известное: побежденные пытаются одержать верх над победителями не мечом, а звонкой монетой. Экономически удушить, так сказать. А новгородская знать спит и видит, как бы наладить с прусской Ганзой выгодную торговлишку. Любой ценой наладить. Но цена, блин, тут одна: неудобного Александра Ярославича – долой, изрядный кус новгородских земель – под власть ливонцев, а там, глядишь, начнет немчура новгородцев в католичество обращать. Вот тихо-незаметно и превратимся в орденскую провинцию...

Мелкие своеземцы – владельцы сябров-складников¹³, небогатые торговцы, лавочники, ремесленники, молодой или черный городской люд, – те пока поддерживают князя Александра. Смерды-закладники¹⁴ и батраки-половники¹⁵, изорники¹⁶, огородники, хочетники¹⁷ всякие – тоже. И это ведь, если рассудить, большая часть Новгородской республики, но, увы, увы... Крикливым бестолковым вече всегда крутит-вертит, как пожелает, организованная и денежная верхушка. Совет Господ. Господа Новгородская и иже с ними. А как раз эти-то ребята Александра и недолюбливают. Бурцев думая невеселую думку, меланхолично постуки-

¹³ Прим: небольшие общинные земли

¹⁴ Прим: зависимые от бояр

¹⁵ Прим: расплачивающиеся половиной урожая за право пользования чужой землей

¹⁶ Прим: крестьяне-пахари

¹⁷ Прим: рыболовы

вал ногтями по дубовой столешнице. На столе пусто: пировать – это, пожалуйста, в другое время и в другом месте. Здесь же о деле разговоры говорятся.

Слово держал Данила. В неизменной своей монашеской рясе, с вечной берестяной грамоткой в высохших руках. Говорил ученый муж спокойно, тихо и рассудительно. Но о тревожных вещах говорил:

– ... Вот с тех пор ни один новгородский купец, что за Царьград ушел, и не возвращался. И паломники, отправившиеся в Ерусалим-град, тоже сгинули безвозвратно в Святых Землях. Ни слуху, ни духу, ни весточки какой-никакой от них...

Хреново... Бурцев перестал барабанить пальцами – пальцы сами сжались в кулак. Все это тоже смахивало на какие-то хитроумные вражеские козни. А что? Северную торговлишку Новгород, а с ним – и вся Русь, считай, уже потерял. Если еще и старый добрый путь из варяг в греки им перекроют – совсем ведь кисло станет! Сейчас вот за Царьград русичей не пускают. Потом – к Царьграду не доберешься, а там – и выход на Черное, да Азовское моря блокируют. Запрут Русь в одном котле с безжизненной Степью, отрежут от Европы и богатых восточных стран...

– Что в орденских владениях слышно? – хмуро поинтересовался Бурцев.

– Да ничего особенного, воевода. Новый немецкий орден, вроде как, в Святой Земле объявился. Хранители Гроба себя

именуют. Не желают признавать ничьей власти, даже власти своего латинянского патриарха. Воюют с сарацинами, да с другими орденами. Вот и все, что известно. А так... сказки всякие рассказывают.

Бурцев крикнул досадливо. Не до сказок сейчас. Небось, новые фанатики Гроб Господень охранять подрядились, да сами же чудес всяких понасочиняли. Времена, блин, такие – крестоносцы всех мастей прямо помешались на орденах! Госпитальеры там, тамплиеры всякие, да прочих братств, что помельче, – не счесть. И немцы – в первых рядах. Эти – вообще массовики-затейники на почве создания духовно-рыцарских орденов. Меченосцы, ливонцы, тевтоны, теперь вот Хранители какие-то. Ну да ладно, Ерусалим-град далеко, а своя рубашка, как говорится...

– Ближе к делу, Данила. У нас в Новгороде как обстановка?

Данила покачал головой, что само по себе уже не внушало оптимизма. Пожевал губами, ответил:

– Плохо, воевода. На Торговой стороне беспокойно. Дюже беспокойно. Как князь отправился в поход, так боярские и купеческие людишки сразу народ баламутить стали. Пуще других вошники Ивановской ста¹⁸ стараются. И не только у Предтечи – всюду за Волхвом их наймиты к бунту подстре-

¹⁸ Прим: купеческое общество «Ивановского ста», созданное при новгородском князе Всеволоде-Гаврииле в 1135 году, собиралось у храма Иоанна Предтечи

кают.

Бурцев скрипнул зубами. Да, Ивановская сотня – сила серьезная. В былые годы предтеченские нажили капиталы на торговле с Ганзой и ныне вершат весь торговый суд Новогорода. Членство в этом купеческом «клубе» стоит пятьдесят гривен серебра. Сумма немаленькая. Кто сможет внести ее, тот в состоянии потратить деньги и на решение иных насущных вопросов. На изгнание ненавистного князя, например.

– Боюсь, как бы вечевой колокол на Ярославовом Дворище не ударил, воевода... – добавил Данила. И осекся.

Накаркал муж ученый! Ну, прямо как в воду глядел! Далекий, но явственно слышимый гул донесся из-за стен детинца – с противоположного берега Волхва. И то был не задорный запевала веселого перезвона церковных звонниц. Одинокий угрюмо-всполошный звук большого колокола Никольского собора ни с чем не спутаешь. Бу-у-м! Бу-у-ум! Бу-у-ум! Били на набат. Там, за рекой, на Торговой стороне сзывали вече...

Собрание онемело.

И все, блин, к одному! Грохнула дверь, вбежал в горницу отрок из младшей дружины, давеча посланный за посадником и тысяцким. Замер, держась за косяк. Запыхался парень – слова молвить не может. Глаза – квадратами, рожа красная, губы дрожат.

– Беда, воевода! – тяжело выкашлянул, наконец, отрок. – Тысяцкий убит. Посадник к Ивановской ста примкнул. Волнуется вся Торговая сторона. Еле к Волхову протолкался.

– Ну вот, – выдохнул Бурцев. – На-ча-лось...

Ох, не вовремя ты отлучился, княже Александр. До чего же не вовремя!

Глава 2

Ярославово дворище Господина Великого Новгорода гудело. Колокольный гул и гул людских голосов сливались воедино. Площадь перед Никольским собором обратилась в живой бурлящий котел – многоголовый, многорукий, крикливый, бездумный. Раскрасневшиеся лица, разъявленные в воплях рты, сжатые кулаки. И над всем этим – буханье вечового набата.

В толпе отдельными, но частыми кучками стояли угрюмые здоровяки с дубьем. Все – из купеческих повольников. А кое-где поблескивали и брони оружных бойцов. Вооруженные группки словно специально распахал кто вечевой площади и сделал это грамотно, – так, чтоб при необходимости всюду, сразу достать и утихомирить недовольных или шибко умных.

Разномастного люда понабежало со Славенского и Плотницкого концов уйма – не то что яблоку, огрызку негде пасть. Многие новгородцы, правда, пока не могли взять в толк, что произошло. Их быстро вводили в курс дела услужливые доброхоты. А со ступеней собора орал, перекрикивая колокол и толпу, здоровый, конопатый и необычайно звонкоголосый парень.

– Татары сѣдни девку новгородскую снасильничали-и-и!
Голосистого оратора Ивановской ста знали многие. Знали

новгородцы и о том, что надрывал глотку Мишка Пустобрех только за большую плату. Впрочем, сейчас о чужой мошне не думалось. Позабылось как-то и Мишкино прозвище. Уж слишком неожиданной и тревожной оказалось новость.

– Татары?! – охнуло вече, – Снасильничали?!

Даже колокол стих... Только эхо долго звенело еще над Ярославовым дворищем.

– Да не может того быть! – возмутился кто-то. – Княжьи татары – бесермене смирные!

– Бесермене – они и есть бесермене! – осадили несогласного.

Где-то над толпой поднялась и опустилась дубинка. Несогласный больше не возражал.

– Злы-дни-и-и! – дружно возопили подкупленные заранее вечевые крикуны. – Не-хрис-ти-и-и! Бал-вох-ва-лы-ы-ы!

– Сам Арапшаа, воевода татарский, над бедняжкой измывалси-и-и! – громко запричитал конопатый.

– Арапша?! – в пронесшемся над толпой возгласе послышалось удивление и возмущение.

Татарского нойона, служившего при княжеской дружине, знали многие. И темных делишек за этим язычником-иноверцем пока не замечалось.

Опомниться изумленным новгородцем Мишка не давал.

– Бесермены княжьи лютуют в Господине Велико-о-ом, – надрывался оратор. – Так доколе терпеть будем бесчинства нехристей, братия-а-а?!

– До-ко-ле?! – слаженным многоголосым басом подхватили из толпы крикуны-подпевалы.

– Доколе? – отозвалось-таки взбудораженное заводилами вече.

Толпа разогревалась, и конопатый принялся за главное:

– А в сем княже Александр пови-и-инен! Пошто князь бесерменами себя окружи-и-ил?! Пошто в дружину свою иноверцев принима-а-ает?! Пошто чернокнижие и колдовство богопротивное привеча-а-ает?

– По-што? – вновь ладно, как по команде, спросили луженые глотки купеческих людишек.

На этот раз вече, однако, замялось, засомневалось, загомонило вразнобой. Одно дело возмутиться бесчинствами пришлых иноверцев и совсем другое – кричать супротив князя, не единожды уже спасавшего Новгород от лютого во-рога.

А Мишка Пустобрех все гнул свое, припоминая до кучи былые «грешки» Александра Ярославича:

– Пошто князь свеев бить ходил по своему разумению, не дожидаясь воли веча Новгородского-о-о-о?!

О том, что лишь благодаря стремительному рейду и внезапному нападению был разбит шведский ярл Биргер, Мишка не упомянул.

– Пошто немецкое небесное воинство князь воевал ору-
жьем адовым – богопротивными громометами, губя свою и
наши души-и-и?!

О том, что у неведомого и могущественного «небесного воинства», принявшего сторону ливонцев, имелось «адово оружие» похлеще, Мишка тоже благоразумно умолчал. И о том, что могло сотворить это оружие с новгородской ратью и Новгородом – не заикнулся.

– По-што? – азартно ревели крикуны.

Людской котел на площади волновался, бурлил, пытел паром, но взрываться не спешил., О Ледовом побоище со смертоносными громами, свистом незримых стрел и ревом невиданных боевых машин здесь еще помнили хорошо.

– Кабы князь не злил ливонцев, так шли бы товары беспрепятственно и от нас в неметчину и из неметчины к нам! – кричали одни.

– Кабы князь не противился немцам, лежал бы Новоград под ливонской пятой! – возражали другие.

– А не лежал бы! Немцы промеж себя нонче разобраться не могут. Новым магистром никак не обзаведутся. Мир нам с ними нужен. Тогда бы торговлишка процветала. Тогда бы богател Новоград!

– Купчины бы богатели, да бояре, что дружбу с орденом водят, а простому люду от того какая польза?! Да и немцы за мир большую плату хотят – на колени поставить Господина Великого! Все верно Ярославич творил!

– Долой Александра!

– Не слушай Пустобреха, люд честной!

Страсти накалялись. Спорили до хрипоты. Но замелькали

дубинки – и сторонников князя слышно не стало.

– А пошто князь при себе чернокнижника Ваську, незнамо откуда взявшегося, держи-и-ит?! – вопил Мишка Пустобрех. – Пошто возвысил его-о-о?! Пошто воеводой постави-и-ил?!

Возгласы одобрения, согласный гомон... Нового княжеского воеводу тут побаивались даже больше, чем Арапшу, а потому и недолюбливали больше. Но все же и этого оказалось мало, чтобы окончательно всколыхнуть народ. И Мишка добавил:

– Так я вам сам скажу, пошто, братия-а-а! Да за ради того, чтоб колдовством бесовским и балвохвальством вольного нашего Господина Великого Новгорода под себя подмять, аки какую-нибудь «свинью» ливонскую-у-у!

А вот это – уже серьезное обвинение. Мишка Пустобрех высказал вслух то, что подспудно давно уж терзало многих.

– Не люб нам такой кня-а-азь! – У конопатого от натуги аж глаза на лоб полезли. – Не лю-у-уб, братия-а-а!

– Не лю-у-уб! – вторили купеческие глоткодеры. – Во-о-он!

– Так нет же князя в городе! – пытался кто-то образумить баламутов. – Обождать надоть, братья! Пускай вернется спервоначалу Александр Ярославич, а уж после держит ответ перед вече, коли виновен.

– Не надо-о-о нам князя-а-а! Не пущать более Александра в Новогоро-о-од! Смерть княжым людя-а-ам! Смерть бесер-

мена-а-ам! Смерть Ваське чернокнижнику-у-у!

Оратору Ивановской ста еще пытались перечить из толпы, но десятки луженых глоток ладными выкриками заглушали отдельные разрозненные голоса. А где криков было недостаточно, в ход снова шли дубинки. Приготовленные загодя ослопы быстро утихомиривали недовольных. Пару раз уже сверкнула на солнце и обнаженная сталь. Оно и понятно: какое ж вече без доброй драки-то? Но в этот раз до массового мордобоя дело не дошло. Проворные купеческие наймиты шустро валили с ног самых голосистых оппонентов. Те же, что горлом не вышли, перекричать Мишку со товарищи уже не могли.

Через четверть часа Пустобрех и его многочисленные припевалы полностью заправляли вечем. Весьма кстати какие-то веселые краснорожие парни с шутками-прибаутками выкатили на площадь невесть чьи бочки с крепкой брагой. Крики у Никольского собора стали радостными, после — хмельными. И живой котел, в конце концов, взорвался. Сначала площадь вобрала в себя людей, толпившихся на прилегающих к Ярославому дворищу улочках и прослышавших о дармовом угощении, а затем выплеснула шумную человеческую массу к Волхову.

Разгоряченная, нетрезвая толпа направлялась на Софийскую сторону. Толпа валила на детинец. С окрестных улиц подтягивались, сбегались опоздавшие. Вливались, присоединялись, даже не разобрав, в чем дело. По привычному

разумению «куда все, туда и я» – лишь бы не стоять в стороне. Людей с дрекольем стало заметно больше. Заточенной стали – тоже.

– Порешить насильников и бессерменов княжи-и-их! – Мишка Пустобрех вел народ, упиваясь собственной значимостью. Где-то и он тоже раздобыл себе узловатую дубинку, коей размахивал сейчас воинственно и яростно. – В Волх-реку балвохвало-о-ов! Ваську – на косте-е-ер!

– А-а-а! О-о-о! – вторили сотни пьяных глоток.

– Торговая сторона Софийских битъ идет! – визжали от восторга мальчишки, облепившие крыши и деревья.

На вечевой площади остались немногие. В сторонке – за Никольским собором под охраной гридей – с довольными улыбками перешептывалась группка богатых новгородцев. За бронями и шеломами плечистых телохранителей виднелись дорогие купеческие кафтаны. Да пара-тройка высоких боярских шапок. Да мозолило глаз черное пятно – ряса странствующего монаха. Что за монах, какой, откуда – и не разглядишь. Огромный капюшон полностью закрывал лицо.

Глава 3

В горнице больше не молчали. Кричали, шумели, спорили. Бурцев слушал. Пока только слушал...

– Свое вече скликать надобно, Василь! – наседал Дмитрий. – Собрать народ перед Софией, объяснить... Чтоб супротив Торговой стороны было с кем выступить.

Ага, это для новгородцев обычное дело: созвать два вече перед Софийским, да Никольским соборами, а после – на Волхов и стенка на стенку... Кто победит – тот и прав. Только не для того ведь его князь оставил, чтоб бойню кровавую устраивать. Да и нет времени затеваться с альтернативным вече. Если на Торговой за дело взялись предприимчивые ребята из Ивановской ста, значит, у них там все схвачено. Вечевой колокол Николы – это последняя точка. Гудел он больше для порядка, традиции ради. Так что скоро... скоро уж повалит народ через Волхов.

– Дружину на мост выводи, Вацлав, – горячился пан Освальд. – Всю дружину до единого ратника. Стеной встанем, не пропустим бунтовщиков!

И это тоже не вариант. Дружины-то той – кот наплакал. Может и не устоять перед разгоряченной толпой. А если заговорщики еще и на Софийской стороне народ баламутят, если вдруг ударят в тыл – тогда, точно, конец. Нет, нельзя выводить единственную сотню из детинца – сомнут мужики

новгородские, массой возьмут, задавят, затопчут.

– Гонца слать нужно за князем, а пуще – за владыкою, – заметил писец Данила.

Дело говорит ученый муж: был бы в городе Спиридон, может, и утихомирил бы толпу. Архиепископа-то своего новгородцы уважают. Не одно побоище уже предотвращал владыка. Но когда еще тот Спиридон доберется до Новгорода?

За окном застучали копыта. Пронзительный крик ворвался в горницу:

– Идут, воевода!

Так... Вернулся еще один отрок, посланный наблюдателем на Торговую сторону. Парень не из пугливых – понапрасну орать не станет. Раз кричит «идут», значит, в самом деле, катится разгоряченная толпа к Волхову. Эх, революционеры хреновы!..

Совет загалдел с новой силой. Всяк доказывал свою правду. И тут, блин, вече базарное устроили!

– Хва-тит! – Бурцев грохнул кулаком о дубовые доски стола.

Стало тихо. Воевода поднялся. Глянул вокруг хмуро, зло. Все, демократия кончилась. Чрезвычайное положение в городе. Время отдавать приказы и приказы исполнять.

– Гаврила, снаряди двух гонцов к князю и владыке. Пусть выезжают с Загородского конца. Там сейчас должно быть безопаснее всего. Дмитрий, выводите дружинников на стены. И стойте там, покуда весь детинец не разнесут по бревныш-

ку. И после – стойте. Бурангул, на тебе – лучники. Сыма Цзян, ты – в резерве. Жди в оружейной. В моей личной оружейной. Поможешь, если совсем туго будет. Ключ я тебе выдам...

– Моя понялася, Васлав, – кивнул китаец. На княжьей службе Сыма Цзян уже выучился сносно говорить по-русски. – Моя все понялася...

– Данила, ты собирай слуг, смердов и холопов княжьих – всех, кого найдешь в детинце. Пусть дружинникам подсобят – камни и стрелы подносят, да готовят котлы с варом. Освальд, Збыслав, дядька Адам, баб и детишек гоните в княжий терем. Там стражу нести будете. Головой за них отвечаете.

Гордый шляхтич Освальд Добжиньский заартачился.

– Не прятаться нам надобно, не ждать бунтовщиков, а самим выходить навстречу, пока не обложили крепость со всех сторон.

– Ты отсюда никуда не выйдешь, пан Освальд, – жестко оборвал Бурцев. – Останешься в детинце. Вместе со всеми.

– Да почему, пся крев?!

– А потому что! Здесь семья князя. Здесь дети и жены княжьих людей. Здесь твоя Ядвига, в конце-концов!

«И моя Аделаидка тоже здесь», – чуть не вырвалось у него.

– Если нас перебыют под стенами детинца, то и тех, кто за стенами остался – не пощадят.

Освальд в ответ лишь злобно сверкнул очами. Но ничего не сказал. Дошло, вроде, до рыцаря, чем чревата геройская смерть малой княжеской дружины.

– Обороните детинец, во что бы то ни стало, други, – не приказал уже – попросил Бурцев. – Алексич останется за старшего. Подчиняться ему беспрекословно, как мне.

– А ты?! – спросили все разом.

– Я? – Бурцев немного помедлил с ответом, оглядывая лица соратников. – Я – на мост.

– Как на мост?! Один?!

– Один.

– Зачем?!

– Образумить попробую мужиков новгородских. Поговорить. Для начала...

– А после? – по глазам видно – в благополучный исход переговоров не верил никто.

– После видно будет, – буркнул он.

– Но воевода...

– Это приказ! Ворота детинца за мной закроете сразу. Кто сунется следом – утоплю в Волхове собственноручно.

Приказ есть приказ – к этому Бурцев свою дружину приучил давно. Провожать его не стали. Это тоже был приказ. И без того сейчас дел неуправляемый. Каждая пара рук и каждая минута дорога. Но у стены детинца чуть ли не под копыта бросилась женская фигура.

Аделаидка?! Откуда прознала?

– Возвращайся, Вацлав... – любимые, полные неизлитых слез, глаза смотрели снизу вверх.

– Ну, конечно, милая.

– Возвращайся, возвращайся, возвращайся, – как заклинание, твердила она.

Малопольская княжна шла рядом, держалась за стремя, до самых ворот шла.

– Обязательно, слышишь, обязательно возвращайся. Ты должен! Мы с тобой еще многого не сделали. Главного не сделали в этой жизни.

Он улыбался, кивал. Он не слушал. Думал, как бы не ломанулась дочь Лешко Белого за ним в ворота.

Обошлось... Дружинники из привратной стражи бережно и деликатно отцепили Аделаиду от стремени, оттерли в сторонку. Хорошо – не выла, не плакала, не причитала, милая, хороня заживо, как иные бабы неразумные. Нет, правда, – спасибо на том. С жениным воем в спину уезжать было бы вдвойне тяжелее.

Ворота закрылись, едва конь вышел из-под низкой арки. Глухо стукнули обитые медью дубовые створки. Заворочался в смазанных пазах тяжелый засов. На мост через Волхов Бурцев въехал в гордом одиночестве. В пугающе гордом... Спешился, привязал коня к толстым жердям ограждения – темным сухим, потрескавшимся от солнца и времени. Шагнул вперед...

Глава 4

Впереди – на удивление безлюдно. Ни души на том берегу. Внизу, под ногами – ленивые воды Волхова. Вверху, над головой – ясное безоблачное небо. Мост, на котором стоял Бурцев, – длинный, широкий, прочный. Как и подобало мосту, нависавшему над большой рекой и связывавшему две части великого града. Немало злых бунтов, жестоких баталлий не на живот, а на смерть, немало кровавых кулачных да палочных потех повидал этот мостик. Сегодня вот тоже намечалась неслабая разборка.

На Торговой стороне загудело, загомонило приближающееся людское многоголосье... Берег быстро оживал, заполнялся народом. Разношерстная человеческая масса лавиной валила к мосту из тесных, бедняцких, и широких, зажиточных, улиц и была подобна второму Волхову, пущенному поперек реки.

Толпа вступила на мост. Бревна и дощатый настил отошлись испуганной дрожью. Да уж, господа новгородцы... Рожи – красные, пьяные. Глаза – осоловелые. В руках – палки, а кое у кого – и сталь обнаженная. Впереди – конопатый заводила с дубинкой. Никак Мишка Пустобрех?! А и в самом деле – он! Ну, теперь и дурному ясно, чьи уши торчат за бунтом. Точно, купчишки Ивановской ста, стонущие без прибыльной торговли с немчурой, народ на князя натравли-

вают. Тех самых мужиков, что в ополчении на Чудском льду вместе с Ярославичем ливонцев били! Ох, и непостоянен же ты, Господин Великий Новгород! Как девка капризная...

Толпа приближалась. Конь позади всхрапнул, начал рваться с привязи. Оборвет повод — пиши пропало. Там, у седла, приторочено оружие. В руках у Бурцева оружия не было. Потому что не должно быть. На переговоры ведь, вроде как, вышел. Для начала... Оружие в руках оппонента — оно всегда нервирует, толкает на необдуманные, необратимые поступки, а тут нужно постараться решить дело миром. По возможности.

Шлем свой с забралом-личиной одевать Бурцев тоже не стал: пусть открытое лицо видят новгородцы. Авось, так доверия больше будет. На нем позвякивала лишь трофейная кольчуга, штандартенфюрера СС Фридриха фон Берберга. Хорошая такая кольчужка, надежная, оружейниками Третьего Рейха выкованная, не поддающаяся ни мечу, ни копьё, ни стреле. Хотя с другой стороны... Положительной плавучестью фашистская чудо-бронь не обладает. Так что если сбросят с моста — это верная смерть. Как скоро идут на дно люди в доспехах, Бурцев уже видел. На Чудском озере.

Разгоряченная людская масса перла вперед, а ему полагалось стоять. А невесело стоять одному, да супротив пьяной толпы... Толпа — сила дурная, беспощадная. Захочет — враз затопчет, задавит, заглотит вместе с кольчугой, и не подавится. Мост ходил ходуном, скрипел и пошатывался. Новгород-

цы были уже близко и останавливаться не собирались.

Бурцев поднял руку, рывкнул хорошо поставленным воеводским голосом:

– Сто-о-о-ять! Вашу мать!

– ...ать! ...ать! – разнеслось над Волховом.

Как ни странно, но они остановились. Наверное, только лишь от удивления, что вот он, один-одинешенек, пеший, неоружный, кричит на них и еще на что-то смеет надеяться. Однако гомон стих. Залитые глаза выражали интерес. Что ж, уже лучше – можно начинать переговоры.

– Что нужно, новгородцы?! – тут главное давить до конца и ни в коем разе не выказывать своего страха.

Бурцев страха не выказывал. Бурцев сам пошел на толпу. Поджилки, правда, тряслись, но со стороны заметно не было. Шаг был твердым, решительным. Раз, два, три шага... Хватит.

После недолгой заминки навстречу выступил Мишка. Ухмыляется, Пустобрех, чувствуя за спиной безликую, безвольную силу, поигрывает дубинушкой, тоже идет уверенно, вразвалочку. Но глазенки все ж-таки бегают...

– С князем Александром говорить хоти-и-им! Пусть ответ держи-и-ит!

Пустобрех повернулся к толпе, призывно взмахнул дубинкой, будто дирижерской палочкой.

– Пушай ответит князь! – раздались зычные голоса.

– Пу-шай!

Ага, у конопатого тут еще и группа поддержки имеется! Это хуже...

– Нету князя! – во весь голос гаркнул Бурцев. – Я за него!

– А кто ж ты таков? – недобро сощурил глаз Мишка Пустобрех. Дубинка в его руках так и ходила из ладони в ладонь. Руки у парня, видать, здорово чесались.

– А то не знаешь, Пустобрех? Воевода княжий. Василием кличут.

– Это-то нам ведомо. А вот откуда ты взялся на наши головы, воевода Василий? Кто твои отец-мать? Иль ты бесов сын, как о тебе люди говорят?

– Откуда взялся? Отец-мать? – Бурцев хмыкнул. Ага, так вам и выложи о себе всю подноготную...

Ни к месту, ни ко времени вспомнилась засевшая в голове еще со школьных лет былина о Ваське Буслаеве. Зачин сказания так и рвался с языка. А что? Чем не легенда для нездешнего чужака. Бурцев не удержался – продекламировал насмешливо, глядя прямо в глаза Мишке:

– В славном великом Нове-граде, а и жил Буслай до девяноста лет... То мой отец, Пустобрех. Ну, а мать – Амелфа Тимофеевна. Доволен теперь?

– Брехня! – пьяно вскричал кто-то.

В передние ряды протолкался лохматенький, шупленький – соплей перешибить можно – нетрезвый человек с изъеденной оспой лицом и оттопыренными ушами.

– Это я! Я Васька, Буслаев сын! Это мою маманьку Амел-

фой Тимофеевной кличут! Что же такое деется, люди добрые?!

Крикнул – и юркнул обратно в толпу. Вот, блин! Васька Буслаев! И смех, и грех! Да и ты тоже, Васек, хорош! Сглыпил, сглыпил. Былинок в детстве перечитал...

Толпа недовольно ворчала: самозванцев здесь не жаловали. Значит, один-ноль в пользу Мишки Пустобреха. Нужно срочно набирать очки.

– Хватит лясы точить, новгородцы! – рявкнул Бурцев. – Говорите, чего надо, и разойдемся подобру-поздорову!

– Подобру-поздорову – это уже навряд ли, – осклабился Мишка. – А для начала нам надобен бессерменин княжий Арапша!

– Зачем?

– А живота его лишить хотим. Дабы впредь девок новгородских не портил.

Бурцев нахмурился. Что еще за чушь?! За княжьими дружинниками никогда подобного беспредела не водилось, а за татарскими союзниками Ярославича – и подавно. Жесткая школа ханских туменов, где казнят за малейшую провинность, не проходит даром: дисциплины в степняцких отрядах будет поболее, чем в разбитных новгородских ватагах.

– Где та девка? Покажите ее! – потребовал Бурцев. – Устроим разбирательство по всей строгости. Кто виновен – накажем.

Мишка замялся. Ясное ведь дело: никакой девки нет и в

помине. Есть провокация. Дешевая и безграмотная притом! Но Пустобрех-то этого нипочем не признает. Тем более прилюдно.

– Отдавай Арапшу! – завопили из толпы.

– Он насильничал!

– Точно знаем!

Крикуны-заводилы не зевали – волновали толпу.

– Когда?! – рыкнул Бурцев, – Когда насильничал?

– Сегодня, – не подумав, брякнул Мишка Пустобрех. – Утром.

Что и требовалось доказать!

Бурцев отвесил пьяной толпе земной поклон, чем немало удивил и озадачил новгородцев. А главное – заставил умолкнуть купеческих наймитов. Затем провозгласил в наступившей тишине – громко и торжественно:

– Так пусть знает честной новгородский люд, что Арапша отбыл вчера вместе с князем, а посему никак не мог сотворить того, в чем его обвиняют.

В толпе загомонили, заволновались. Воинственный пыл спадал, недоумение росло. Если проблема только в Арапше – то она решена. Увы, все оказалось не так просто.

– Колдун Васька татарина-балвохвала защищает! – снова выкрикнули откуда-то из задних рядов. – На костер черно-книжника! Бе-е-ей!

Глава 5

Мишка напал первым. Пустобрех подошел уже достаточно близко и только выжидал подходящего момента, чтобы пустить дубинку в ход. И, видимо, подходящим счел кульминацию переговорного процесса. Подбодренный крикунами-зачинщиками, Мишка перехватил свое оружие двумя руками, размахнулся с плеча, ухнул...

Слишком долгие приготовления – Бурцев отреагировал быстрее. Разворот, уход с линии атаки...

Дубинка Мишки – небольшая, но увесистая вязовая палица – ударила сверху вниз, прогудела в воздухе, стукнулась толстым концом о дощатый настил моста, отскочила от сухого дерева. Когда Пустобрех размахивался второй раз, Бурцев вспомнил рукопашное прошлое. Тренированное, не скупающее без учебных спаррингов на дружинном дворе тело вспомнило само... И тело ответило. Бурцев достал конопатого здоровяка ногой. Легко, да с подскоком.

Позиция – лучше не придумашь! Противник беззащитен: обе руки с дубинкой задраны вверх, позвоночник выгнут, корпус откинут назад. Тут и просто толкнуть его достаточно, чтоб опрокинуть. Но толкаться в бою Бурцев не привык. В бою он бил сильно и жестко. Как правило... Мишка Пустобрех исключением из правил не был.

Удар в челюсть. Пяткой. А на пяточке – каблучок тяже-

лого сапожка. А на каблучке – стальная подковка. В общем, вышло неслабо: сильнее вышло, чем кастетом. Мишка не успел ничего предпринять. И понять, вероятно, тоже. Высокие удары с ноги непривычны здешним кулачным бойцам. Ногами новгородцы разве что добивали или, точнее, дотапывали павшего противника в лютом бою стенка на стенку. А чтоб вот этак – в морду, да в нокаут... Здесь такое еще было в диковинку.

Пустобрех грохнулся на мост. Упал навзничь – всей хребтиной о доски. Да так и застыл. Надолго, судя по всему. Выроненная палица откатилась в сторону. Бурцев поднял дубинку. Хотел зашвырнуть подальше в Волхов, да передумал. Замершая, было, толпа уже выплевывала, одного за другим, новых крепких ребяташек с дрекольем. Тоже, видать, зачинщики – из тех, что заодно с Пустобрехом были.

– Колдовством Мишку одолели! – орали парни в голос, заводя хмельной люд. – Истинно, колдовством! Не задрать православному христианину ноги выше головы! Балвохвальские то штуки!

Толпа волновалась. Крикуны с дубьем наступали. Бурцев пятился, подняв трофейную палицу. Приходилось ему однажды участвовать в палочном бою. Со Збыславом в Силезии дрался по польской правде. Но тогда бились один на один. И щит тогда на левой руке висел. Сейчас противников было больше, а щита – нема. Один пропущенный удар – и хана! От богатырского удара богатырским же ослопом, наверное,

даже чудо-кольчуга не спасет – сшибут, блин, с ног на раздва. А уж если шарахнут по черепу...

– Навалимся всем миром, правослывыны-я! Хватай Ваську-чернокнижника-а!

«Мир», однако, медлил. «Мир» хотел вначале посмотреть на палочную потеху.

В этот раз напали сразу двое. Одного Бурцев уложил на подходе – вмазал Мишкиной палицей в голову – новгородец свалился, не пикнув. А вот от дубинки второго мужичка едва успел прикрыться. И, не мешкая, хорошенько засадил подъемом сапога противнику промеж ног.

Крикун-зачинщик согнулся в три погибели, упал в корчах. Отполз, причитая:

– Пошто по срамному месту бьешь, Васька-ирод-нечестивец?!

Бурцев добавил. Дубинкой по макушке. Тоже, блин, рыцари выискались! Сначала прут вдвоем на одного, а потом упрекают, что бой не по правилам!

А к нему уже подскочили еще трое.

Ну что сказать... Любили в Новограде палочные бои, Перуном еще завещанные¹⁹. Однако в боях этих, как и в сшибке на кулачках, ставка делалась прежде всего на силу и удаль молодецкую, а не на ловкость или мастерство.

¹⁹ Прим: Согласно одной из легенд, упомянутой в летописях, идол Перуна, сверженный в Волхов, даже специально оставил для этого новгородцам свою палицу: «...и вринувши его в Волхов. Он же, пловя сквозь великий мост, верже палицу свою, рече: на семь мя поминают новгородския дети»...

Мужики просто хватали дубье за один конец и били другим. Грубо, сильно, без затей. Сверху, да сбоку – наискось. Сбоку, да сверху. Мешая друг другу, а то и задевая ненароком в горячке сражения собственных товарищей. Защиты или тычковых ударов в палочном бою эти ребята не знали. Бурцев знал. И то знал, и другое. И кое-что еще. И дрался в иной манере. Как когда-то лупил скинов резиновой дубинкой в ОМОНе, как рубился мечом в Польше, Пруссии и на льду Чудского озера. А еще... Перехватив палку посередке, он ловко орудовал ею, как автоматом в рукопашной. С прикладом и с примкнутом штыком. Пока это помогало.

Из толпы выскакивали все новые и новые крикуны с дрекольем. Но все – не профессиональные бойцы, а так – пропойцы-наймиты, шумливая вечевая дружина с пудовыми кулаками и усохшими мозгами, привыкшая брать числом и горлом. Бурцев вертелся, крутился, как белка в колесе. Уклонялся, парировал, отбивался, сам наносил удары – благо, ширина моста не позволяла противникам зайти в тыл. И отступал к лошади, оставляя на мосту побитых и калечных.

От него отстали. Получив неожиданно жесткий отпор от одиночки, вечевые костоломы чесали репы, хорохорились, однако сызнова лезть под палку Бурцева не спешили. Бойцы пятились. Стонали раненные, возбуждено шумела хмельная толпа.

– Народ честной, да что же такое деется?! – громко и отчетливо возопил кто-то. Кажется, это был тот самый Васи-

лий Буслаев в засушенном виде. — Приблудный Васька-чернокнижник, самозванец бесов, наших бьет, новгородских!

— У-у-у! А-а-а! — возмущение и негодование.

А вперед уже проталкивались купеческие вояки. При броне и шеломах. С щитами, мечами, копьями...

«От этих ребяток палочкой уже не отмахнешься!» — подумал Бурцев.

... и с луками.

Стрела с тяжелым граненым наконечником нежданно-негаданно вылетела из толпы, ударила в плечо. Сильно ударила — едва не опрокинула. А вот это уже грубеж! Если б не трофейная кольчужка Фридриха фон Берберга, было бы хреново. Любую другую кольчугу бронебойная стрела, пущенная почти в упор, продырявила б в два счета.

— Кол-дов-ство! — заорали в толпе.

— Броня от стрел заговоренная на Ваське!

— Хватай его-о-о! В костер его-о-о!

И вот тут толпа подалась. Заревела многоголосым пьяным басом, хлынула на бойца-одиночку.

Сомнут! Сметут! Снесут! Это было ясно, как Божий день. Им всем было ясно. Бурцев досадливо сплюнул. Эх, мужики новгородские, вот ведь доверчивый и склочный народец! Ладно, палку — в Волхов. Пришла пора пускать в ход тяжелую артиллерию, а за неимением оной, придется воспользоваться...

Бурцев нырнул под брюхо лошади. Там, с другой стороны

к седлу приторочен «MG-42», отбитый у цайткоманды СС на Чудском озере. Ручной пулемет со сложенными сошками готов к бою. Коробка барабанного магазина на полсотни патронов топорщится слева. Первый патрон ленты – в патроннике. Взята эта бандура, вообще-то, на крайний случай. Но уж куда крайнее-то?! Бурцев выругался: он так надеялся договориться без пулемета! Ан не дают...

Глава 6

Пьяная орущая толпа ничего не видела. Или не желала видеть. Или не желала понимать. Толпа не остановилась, когда Бурцев выступил из-за лошади с 11-килограммовым «МГ-42» наперевес. Пулеметный ремень давил плечо, зато руки почти не ощущали веса оружия. А толпа надвигалась. Метров двадцать уже осталось. Или пятнадцать. Бей хоть прямо с рук – не промахнешься. Но нельзя же вот так сразу устраивать расстрел демонстрантов!

Первую очередь Бурцев пустил поверх голов – в белый свет, как в копеечку. Грохот и раскаты затяжного эха над Волховом... Бьющаяся от ужаса лошадь на привязи. И многоголосый нечеловеческий вопль...

– Гро-мо-мет! У него громомет!

Толпа встала. Как вкопанная. В каком-то десятке метров. Ага, проняло?!

– Расходились бы вы по домам, гой еси, люди добрые! Мля!

«Добрые люди» с дурными глазами и красными испуганно-злыми лицами тормозили. Он поторопил: вторая очередь прочертила неровную границу между Бурцевым и толпой. Пули застучали о мост под ногами новгородцев. С дощатого настила полетела щепка. Пунктир пулевых отверстий отчетливо обозначился на затоптанном до черноты дереве.

Есть! Толпа кричала и пятилась. Отвоевано еще метров пять. Десять... Были б новгородцы не пьяными – бежали б давно, теряя порты. А так – нет. Так соображают долго. Впрочем, хмельные головы быстро трезвели.

– Уходите, пока добром просят, а? – снова предложил Бурцев.

Он стоял. Толпа откатывалась. Отступали здоровые, отползали побитые. И слава Богу! Лишь бы в людей стрелять не пришлось.

И словно кто прочел его мысли.

– Не бо-и-ись, христиане! Не может Васька гром и стрелы незримые колдовские в нас метать! В том нам заступа Божия перед чернокнижием нечестивым!

Толпа остановилась где-то на середине моста. Засомневались люди, загомонили, стряхивая оцепенение ужаса. Выходило не так, как хотел Бурцев. О страшной силе «невидимых стрел» были наслышаны все. Но, похоже, новгородцам, действительно, невдомек, почему колдовской громомет шуметь – шумит, а людей не валит. Стрельбу вхолостую – на испуг – здесь не признавали. Смертельное оружие должно бить на смерть – так разумели новгородцы. А если оружие не бьет... Значит, не страшное оно уже и не смертельное вовсе. Бунтари приободрились:

– Вперед, други! Господь оборонит нас! Нешто отступим теперь перед балвохвалом?!

– Бе-е-ей колдуна!

- В Волхов людишек княжьих!
- Круши-и-и!
- Васько-то один всего!
- На костер его!
- А девку чернокнижника растянуть и четвертовать!
- Только потешимся с ней по первоначально!
- Га-га-га!

Пьяным взбудораженным людом управлять просто. Пьяный взбудораженный люд хорошо разумеет громкий окрик, да ко времени брошенное глумливое словцо. А вот остановить возбужденную толпу нелегко. Остановить ее может разве что вид собственной крови. И чем крови той будет больше, тем лучше.

Живая стена боязливо, осторожно, но все же снова надвигалась на Бурцева.

Вид крови?.. Снова палить в воздух или под ноги – бессмысленно. Это будет демонстрация слабости. А слабость только раззадорит обозленных новгородцев. Стрелять на поражение? Нельзя. Свои же, русичи. С ними ведь бок о бок немца воевали! И что же, косить теперь их из немецкого же пулемета?!

Но и не стрелять нельзя. Если не остановить толпу сейчас, на мосту – просочится зараза на Софийскую сторону, всколыхнет весь Великий Новгород. Когда-то, много лет... много лет тому вперед ооновское оцепление в Нижнем парке вышло навстречу бритоголовым скинам – вышло без оружия,

тишек. А вот там – за спиной, за воротами детинца есть.

Он ударил в толпу. Метров с десяти. Понизу, по ногам. Длинной-предлинной очередью. Пулемет заплясал, задержался в руках.

И снова крики, и снова вопли. Только громче, только истошнее, только страшнее, чем прежде. Словно гигантской косой полоснуло нетрезвых мужиков под коленки. Люди падали друг на друга беспомощными, орущими кулями. Цеплялись друг за друга. Валили друг друга. Много людей: новгородцы стояли плотно, и каждая выпущенная пуля валила по несколько человек зараз.

На черный грязный мост и в свинцовые воды Волхва брызнуло красным. Бурцев показал толпе ее кровь. И толпа шарахнулась прочь.

Остались только раненые – те, что не смогли встать и уйти. Десятка два с простреленными ногами корчилося на скользких досках. Слабо шевелились еще трое – сбитые в палочном бою. Проклятье! Были и убитые. Два. Нет, три... Нет, пять... Целых пять человек, падая, угодили под идущие понизу пули. Или пляшущий «MG-42» все же ударил чуть выше, чем рассчитывал Бурцев?

Полдесятка убитых. Двадцать раненых. Остальные калечили и убивали друг друга сами. Над Волховом царили паника. И давка... Новгородцы бежали с моста. Но плотная пробка копошащихся человеческих тел не пускала беглецов. Одни безумцы сбивали с ноги топтали других. И лезли по те-

лам, по головам..

Воздух звенел от криков. Под напором людской массы рухнули ограждения. В воду новгородцы сыпались целыми гроздьями. И доплыть до берега суждено было не всем.

Сейчас, с ремнем фашистского пулемета на плече, Бурцев и сам чувствовал себя каким-то эсэсовцем с закатанными по локоть рукавами. А что? «MG-42» в руках, трупы под ногами, разбегающаяся в панике толпа. Сверхчеловек, мля! Бурцев швырнул пулемет на черные доски с красными потеками. Ну отчего?! Зачем так?! Почему иначе нельзя?!

Он шел к раненым —помочь, перевязать, спасти... Те, преодолевая боль, отползали прочь. Крестились, проклинали, стонали, плакали... Лопоухий мужичонка – тезка с грозной фамилией Буслаев, с перебитой правой голенью вдруг вцепился в ограждения моста, подтянулся, охнув, перегнулся через перила.

– Куда, дурень?!

Мужик обернулся к Бурцеву, выругался – зло, страшно, матерно. Смачно плюнул. Бросился вниз.

По-че-му?! Да почему же?! Бурцев остановился, тупо глядя на кровавый след, что оставил лопоухий тезка.

– Не зама-а-ай, – тихонько проскулили под ногами.

Знакомый голос. Знакомый, только утративший былую силу и звонкость. Будто громкость сбавили, будто заглушку вставили...

Мишка Пустобрех очнулся! Купеческий горлопан и за-

водила, перебаламутивший по заказу Ивановской ста вече,
притащивший пол-Новгорода на мост – под пулемет!

Этого Бурцев сбросил в Волхов сам.

Глава 7

И снова гудел колокол, и вновь шумело вече. Теперь уже в детинце – перед Софийским собором, под присмотром дружинников Александра Ярославича, нукеров Арапши и гридей архиепископа Спиридона. Князь с дружиной, благополучно отогнав ливонцев от Пскова, вернулся на следующий день после бунта. Владыка прибыл в ночь. И вот творился суд. Судилище, точнее, – громкое и беспощадное.

Зачинщики волнений из Ивановской ста, конечно, бежали, предатель-посадник – тоже, так что подсудимый нынче был только один: вече требовало от князя казни воеводы-чернокнижника. Спиридон принял сторону новгородцев. Александр же твердо стоял на своем.

– Василько будет жить! – в который уж раз доносился от Софии зычный глас Ярославича.

Сам Бурцев сидел в пустой горнице – в той самой, с необъятным дубовым столом и длинными скамьями, где проходили княжьи советы. Вроде как под негласным домашним арестом сидел. Вокруг, правда, Дмитрий, Гаврила, Бурангул, Освальд, дядька Адам и Збыслав. Гаврила Алексич тоже здесь. Все хмурые, молчаливые, при оружии. Будут драться за своего воеводу, ежели что. И за дверями тоже сгрудились верные бойцы, многие из которых проверены еще в Польше и Пруссии.

А в уголке тихонько всхлипывала, надрывая сердце, Аделаидка. Жена пана Освальда Ядвига Кульмская как могла утешала малопольскую княжну. Да разве ж утетишь ее сейчас...

Бурцев вздохнул. Воспоминания лезли в голову. О лучших временах воспоминания, о славных деньках... Как ведь оно все было! Из Дерптского похода он с женой и верными соратниками вернулся к Александру Ярославичу. Князь дослушал сказку, недосказанную тогда – на Чудском льду под Вороньим Камнем. Подивился. Ездил потом с малой дружиной – искал в новгородских землях арийские башни перехода. Платц-башни – так их называли эсэсовцы цайткоманды.

На земли соседей Александр не лез – к чему ненужные ссоры? А магические башни, отмеченные в карте фон Берберга под Новгородом и у Пскова – на реке Великой, обнаружил скоро. Выставил сторожей – тем и ограничился. Ну, не пожелал православный князь с балвохвальством стародавним связываться. А может, не захотел ненароком хуже, чем есть, сделать. «Пусть чужое колдовство впредь спит в своем логове нетревожимо, и да будет так!», – объявил свою волю Ярославич.

Князь даже не позволил Сыма Цзяну сотворить блокирующие магическую силу башен заклинания. И Бурцеву впредь иметь дело с языческими строениями запретил.

Да он-то, как раз, и не рвался особо. Без ключей – малых шлюссель-башен – от этих древних развалин толку ма-

ло: время себе не подчинить, а связывать магией колдовские руины в единую сеть ради мирового господства в тринадцатом веке... Глупо это. Фашикам оно, может, и нужно, а Бурцеву – ни к чему. Бурцеву хватало того, что есть.

Ярославич-то принял его хорошо, обласкал – грех жаловаться. В старшую дружину взял, воеводой вот поставил. Боярином при себе сделать хотел, да тут уж сам Бурцев воспротивился – к чему ему боярская шапка? Шелома доброго хватит, да друзей старых в подначальной дружине...

Мудрый князь не жалел казны и милостей – сполна платил за верность и доблесть не только русичам, но и толковым иноземным союзникам. А потому тот, кто примыкал к дружине Ярославича, как правило, оставался при ней надолго и с великой радостью. И тут уж Александра не интересовало мнение Господина Великого. Пришлому князю требовалась надежная и крепкая опора, а среди взбалмошных новгородцев такой ни в жисть не сыскать.

Правда, иноземцам приходилось осваивать русский. Древнерусский, вернее. Ничего, справлялись. Справились и бойцы Бурцева – вся его интернациональная ватага. Ну, разве что китаец Сыма Цзян еще забавно коверкал славянскую речь, как прежде – татарскую, и веселил своим чудным выговором княжескую дружину.

В общем, с людьми все выходило славно, а вот с захваченным оружием фашиков – иначе. Подбитые танки и расстрелянные мотоциклы благополучно ржавели на Чудском озе-

ре, но все остальное можно было использовать. Сразу же после Ледового побоища Бурцев загорелся идеей создать при дружине Александра небольшой отрядец – этакий мобильный конно-стрелковый взвод или хотя бы отделение, вооруженное трофейными «шмайсерами» и пулеметами. Выделил с позволения князя часть боеприпасов из арсенала цайткоманды на учебные стрельбы. Увы, дружинники – даже ветераны дерптского похода – все еще робели перед «громометами» и хоть шума на стрельбище производили много, но меткостью не отличались. Ребята, бормоча то молитвы, то заговоры от злых сил, жали на курок, крепко жмурясь, и облегченно вздыхали, когда все заканчивалось.

Должный интерес к эсэсовским «самострелам» и необходимое для успешных занятий бесстрашие проявляли только сам Бурцев, китайский мудрец Сыма Цзян, да жадная до чужих тайн Ядвига. Бывшую шпионку тевтонского ландмейстера настолько занимали диковинки «небесного воинства», что Бурцев не удержался – дал в индивидуальном порядке этой рыжей бестии несколько практических уроков стрельбы. И из «шмайсера», и из ручного «MG-42».

Возлюбленная добжиньского рыцаря визжала от ужаса и восторга. Пару раз даже попала в мишень. Просила «погромыхать невидимыми стрелами» еще, но Бурцев отказал. Такой дай волю – все патроны переведет развлечения ради. Зато Ядвиге и Сыма Цзяну, как самым продвинутым в стрелковом деле, было позволено сколь угодно долго лязгать за-

творами и упражняться с разряженным оружием. А вот до гранат у них дело так и не дошло.

Новгородцев не на шутку встревожили занятия Бурцева. Господин Великий Новгород всегда опасался за свою свободу, но порой опасения эти, умело подогреваемые местной знатью, превращались в болезненную фобию. Вот и пополз по городу слухок, будто Александр заключил договор с нечистой силой, а княжеский воевода-чернокнижник – посредник в том договоре. «Ты, княже, немцев одолел адовым оружием и им же теперь нашу вольницу прибрать к своим рукам хочешь!» – обвинило вече Ярославича.

Речи те были неприятны и опасны. И дабы не будоражить народ понапрасну, князь устроил показательную казнь колдовских «громометов». Все как положено: крестный ход к Волхову и – бултых, бултых... С моста... Ствол за стволом, ящик за ящиком...

Однако в речные воды кануло не все. Кое-что из трофеев предусмотрительный Ярославич припрятал и передал на хранение Бурцеву. Князь знал теперь куда больше других и не видел уже дьявольского промысла в грозном оружии будущего. Наоборот желал иметь в своем распоряжении хотя бы малую его часть. Стрельбы, конечно, пришлось прекратить, но несколько «шмайсеров», с полдесятка гранат, небольшой запас «невидимых стрел» и пулемет «MG-42» заняли свое место в заветном подвальчике, ключ от которого Бурцев всегда держал при себе.

Там же, в тайном арсенале, лежала и чудо-кольчуга Фридриха фон Берберга, что не налезала на князя, но оказалась впору княжескому воеводе. А вот прочный щит, да титаново-вольфрамовый меч-кладенец Александр оставил себе. В комплекте не хватало только шлема – рогатое боевое ведро эсэсовского штандартенфюрера благополучно упокоилось на дне Чудского озера вместе с головой фон Бербергова оруженосца.

Глава 8

Снова возмущенный гул донесся с площади перед Софией. Из-за фашистской кольчужки да пулемета разгорелся весь сыр-бор! Если б дружина Бурцева изрубила бунтовщиков мечами и переколола копьями, если б спалила при подавлении массовых волнений полгорода, если б вырезала подчистую семьи смутьянов – никаких претензий к воеводе, наверное, и не было бы. Но обратить против новгородцев «невидимые стрелы» и свалить запретным «колдовством» два с половиной десятка человек – это, как оказалось, совсем другое дело. И вот...

– Пошто воевода утаил громометы адовы?! – вопрошало вече.

– Моя воля такова была! – держал ответ Александр

– Не добрая то воля, княже!

– А кабы немец Псков занял и к Новгородским стенам подступил, тогда добрая стала б?!

– Васька-чернокнижник не немцев – новгородцев калечил и живота лишал.

– А что еще ему оставалось?

Ответа не было. Были возмущенные разноголосые вопли...

– Не надобен нам такой князь!

– Не надобен такой воевода!

Спорили долго. И владыка держал слово. И Господа Новгородская. И черные люди кричали.

Кое-кто еще пытался под шумок сбросить князя. Не вышло. Без зачинщиков Ивановской ста – никак. Но...

– Не надобен Васька-воевода Новгороду! – тут уж голоса с вечевой площади звучали слаженно, единодушно. Никаких подстрекательств, никаких подкупных крикунов сейчас не требовалось. Бурцев слышал пресловутый глас народа.

– Не-на-до-бен!

– Все колдовские самострелы-громометы в Волхо-о-в! Все без остатка!

– И доспех Васькин заговоренный – туда же!

Однако жизнь своему воеводе князь все же отстоял:

– Громометы – берите, топите! Кольчугу – тоже! Нужен вам другой воевода – да будет так! Но Василько казнить не позволю!

На том и порешили.

Вече расходилось, гудя и бурля. Но все же мирно расходилось. А через четверть часа в горницу вступил хмуролицый князь в сопровождении владыки Спиридона. Сказал, отведя глаза:

– Нужен мне, Василько, верный человек в Пскове. Князя псковичи себе никак не выберут, и беспокойно там нынче. Да и за балвохвальской башней никто лучше тебя не приглядит. Что, возьмешься?

Бурцев усмехнулся. Вроде как почетная ссылка выходит?

Альтернатива казни и позорному изгнанию. Что ж, оно и к лучшему. Буйным Новгородом он уж сыт по горло.

– Возьмусь, княже, – Бурцев кивнул. – Только людей своих с собой заберу.

– Бери, – охотно согласился Александр, – И еще дам сколько потребно. Ты уж прости, Василько, но новгородцы тебе здесь все равно жить не дадут. И...

И к величайшему удивлению владыки, гордый князь Александр Ярославич по прозвищу Невский, не гнувшийся спину ни перед врагом, ни перед другом, поклонился вдруг в пояс своему воеводе.

– ... и спаси тебя Господь, что не пропустил бунтовщиков к моей семье и к семьям дружинных людей. Не держи зла, Василько, ни на меня, ни на Господина Великого Новгорода.

Бурцев вздохнул, кликнул китайского мудреца, протянул ключ от тайного арсенала, что перестал быть тайным:

– Сима Цзян, сдай князю оружие «небесного воинства». Все оружие. И кольчугу немецкую не забудь.

Китаец молча кивнул и вышел с князем за дверь. Эх, славленная будет нынче пожива ненасытному, ничьей воле неподвластному Волхову.

... Уезжали скрытно, как тати. Поздней ночью уезжали. Лишь выбравшись из притихшего города, заполили факелы. А на душе при всем при этом было хорошо и покойно.

– Васлав... – Сима Цзян вдруг заговорщицки подмигнул глазом-щелкой.

– Что, Сема?

Китаец приоткрыл седельную сумку. Два «шмайсера» и ручная граната-колотушка «М-24» на миг попали в факельный свет.

Ну, проныра китайская! Приныкал! Заховал-таки от Яро-славича!

– Да как ты...

– Не сердися, Васлав – зашептал Сыма Цзян. – Князя Александра говорилась, что в Пскова-города тоже сильна неспокойна и...

– Что «и»?

– Князя сама положила эта в моя сумка, когда никто никакая не видела. Князя сказала – отдавай для Василька.

Ах, вот оно в чем дело! Прощальный подарочек, значит. Ну, спасибо, князь, на добром слове.. Бурцеву стало веселее.

– Ну-ка Дмитрий, Гаврила, чего как на похороны едем? Запевайте!

Теперь можно. Дурной буйный Новгород давно уж позади. А под рукой два ствола с гранатой. Чего еще желать?

Подтянули все. Даже китайский мудрец Сыма Цзян и татарский юзбаши Бурангул старательно выводили разудалую древнерусскую, слов которой и сам воевода толком не знал.

Одна лишь дочь Лешко Белого, малопольская княжна Аг-делайда Краковская, смотрела печально. Но слезу, скользнувшую из-под ресниц, в темноте не заметил никто.

Глава 9

– Ну, в чем дело, Аделаидка? – он держал ее за плечи и всматривался в лицо жены. И гадал: ну отчего ж оно так выходит? Почему любимое лицо ни с того, ни с сего вдруг становится чужим и отрешенным? Он не находил тому разумного объяснения. Не мог найти.

Новгородские беды остались позади, а в Пскове все складывается, как нельзя лучше. Народец здесь – после рейда Александра Ярославича и изгнания изменников-израдцев – притихший, покладистый. И под началом у Бурцева – полтыщи дружинников. И лучший дом на дружинном подворье достался воеводе и его молодой жене. Живи, да радуйся. Ан, нет!

Она отводила глаза – красные, воспаленные. Ночью плакала. Опять...

– Я ведь вижу —сама не своя ты, Аделаидка. Может, скажешь, наконец, что стряслось?

И вновь нет ответа. Лишь взгляд, исполненный невысказанной муки. Лишь слабая выстрадавшая улыбка на дрожащих губах. Лишь слезы в уголках глаз.

– Слушай, может, нам пора с тобой бэбика завести? Нет, в самом деле, пора ведь?

– Кого? – она озадаченно взмахнула ресницами.

– Ну, ребенка...

Аделаида молча мотнула головой. А по щекам – дорожки слез.

Бурцев вздохнул. Отпустил жену. Почти отбросил. Не нежно – грубо. А как с ней еще? Никакой, блин, нежности не хватит, если молчит как партизанка.

Подошел к окну. Душно... Тошно... За мутным бычьим пузырем, уже натянутым к грядущим холодам в небольшом оконном проеме, трудно что-либо разглядеть.

Хотелось чистого свежего воздуха. Но эта закупорка... Бурцев сплюнул, рванул раму с пузырем на себя. Труха, пыль, сухой мох и утренний ветерок с ранней, почти осенней, прохладцей ворвались в горницу. И шум дружинного подворья посреди псковского Крома...

Неприступный Кром – древний детинец, кремль-первооснова наиважнейшего новгородского пригорода жил своей обычной жизнью. Главная и единственная пока крепость Пскова, не обросшего еще Довмонтовой стеной и Средним градом, и градом Окольным, и Завеличьем. Крепость, стоящая на высоком скалистом мысу, промеж рек Великой и Псковой – там, где малая речка под острым углом впадает в большую.

Удобное место для цитадели... Над медлительными речными водами на мощном земляном валу – две деревянные стены. Стены образуют вытянутый, чуть изогнутый, – и удлиненный со стороны Псковы клин. А в основании треугольника-детинца – от реки до реки – непреодолимой дугой

выгибается мощная стена из камня, обмазанного глиной.

«Пръступная» – так именовали ее сами псковичи. Ибо только здесь, в междуречье, можно идти на приступ, не потопив войска в реках. Было у каменной стены Крома и иное название. Перси... И нет тут ничего общего с женской грудью. Имеется в виду воин-крепость, каменной грудью встречающий врага.

Под Персями прорыт ров – Гребля, соединивший две реки и превративший псковский Кром в солидных размеров островок. Через Греблю переброшены мосты. Два – по числу проездных городских ворот. Первые – самые старые, Смердьи ворота, расположены у Смердьей башни, что высится над рекой Великой. Вторые – новые Троицкие или Великие – не так давно прорублены под Троицкой башней возле Псковы-реки во славу князя и святого угодника Всеволода-Гавриила²⁰

Обе башни грозно вздымаются по краям каменных Персей. Еще одна – башня-Кутекрома поставлена в устье Псковы или «в куту Крома». Четвертая – Снетная башня, где хранится запас снеди, тоже нависает над малой Псковой-реч-

²⁰ Прим: Великие ворота Пскова появились в конце двенадцатого века, во время внесения в Кром мощей псковского князя Всеволода-Гавриила, причисленного к лику святых в 1193 году – 55 лет спустя после его смерти. Согласно легенде, рака со святыми мощами не вошла в Смердьи ворота, и псковичам потребовались другие ворота. Кроме того, в летописях упоминается некий богомолец, которому во сне явился Всеволод, повелевающий прорубить в городе новые ворота.

кой, дабы отпугивать недруга, мыслящего добратся до Крома вплавь. Помимо башен, над укреплениями псковского де-тинца возвышаются купола деревянного Троицкого собора. Там до сих пор псковичи оберегают, как величайшие святыни, раку с мощами Всеволода-Гавриила, а также щит и меч святого князя.

Внимание Бурцева привлекло оживление, возникшее на дружинном подворье, Что там еще? Люди суетились вокруг человека в монашеском одеянии с огромным, откинутым назад капюшоном. Никак, гость пожаловал? Хм, и не православный монах – католик. Это не то, чтоб очень удивительно. Это, в общем-то, нормально для новгородских земель: вольная торговая республика издавна не притесняет иноверцев, но все же сейчас такие времена... Да и рейд Александра, распугавший всех латинян... А этот святой отец, видать, издалека пришел. Эвона как заляпался – по самую тонзуру.

Черная грязная ряса пилигрима не радовала глаз. И черные грязные проплешины, размытые дождем в усохшей к осени траве на дружинном подворье – тоже. Ранняя осень в этом году будет. Осень... Надо же, осень Скоро совсем... До чего быстро время летит – никаких цайт-прыжков не надо!

Больше двух лет уж прошло после Ледового побоища. После разгрома ливонцев и эсэсовской цайткоманды. И после смерти несостоявшегося любовничка Аделаиды – штандартенфюрера Фридриха фон Берберга.

Бурцев оглянулся на супругу. Та стояла на прежнем месте,

потупив взор. Тербила платье. Молчала в покорном ожидании мужниных слов. Да уж, домострой отдыхает... От прежней взбалмошности княжны не осталось и следа. И было в этом что-то... Что-то подозрительно неправильное было.

Это уж не первый их разговор. И – судя по упорному молчанию Аделаиды – далеко не последний. Да, чего-чего, а упрямости, у полячки не отнять. Но и упертость ее сейчас – особая, непривычная. Тихая какая-то, податливая, не противящаяся, а обволакивающая, если нажать. А оттого и во все непреодолимая.

Она молчала. И Бурцев чувствовал – тут не каприз, не мимолетная прихоть. Агделайда Краковская пережила прерванный цайтпрыжок в башне перехода Взгужевежи, и все ее детские капризы канули в Лету. Малопольская княжна после «просветления» стала серьезней, вдумчивей, мудрее, что ли. Но улыбаться-то не разучилась! Отнюдь! Веселилась всегда. До сих пор. До недавних пор. А сейчас... Нет, не башня ариев повинна в беззвучных ночных рыданиях дочери Лешко Белого. Что-то другое грызло изнутри и вытягивало радость жизни из Аделаидки.

Аделаида всхлипнула. Бурцев с ожесточением потер лоб. Ну, что? Что не так?! Раньше этой отрешенности, и тоски этой он за женой не замечал. Потом заметил. Но не придал значения. Потом придал. Но не заговорил. А когда заговорил – не добился ни-че-го. Ничегошеньки! Аделаида молчала. И, как водится, от недосказанности и неясности тревож-

ные мысли лишь сильнее донимали Бурцева. Особенно по утрам, когда он видел заплаканные глаза супруги. В чем дело? Ностальгия по родной Польше? Болезнь какая? Или, может, снова кто в сердце княжны запал и смотреть она уже не может на законного супруга?

Аделаида молчала...

Глава 10

– Послушай, я хочу знать, что происходит. – Он говорил спокойно и твердо, расхаживая по скрипучим, выскобленным до блеска половицам. – Я ведь все равно докопаюсь, рано или поздно.

Аделаида подняла испуганные глаза. На миг. И опустила снова.

– Прости, Вацлав. Боюсь, брошишь меня, коли правду узнаешь...

– Я? Брошу? Да что ты несешь?!

– А узнаешь ты скоро. Как призадумаешься крепко, так все сам и поймешь. И не видать нам более бывшего счастья.

Бурцев остановился перед женой:

– Значит, так, Аделаида. Не знаю уж, что ты там себе вбила в свою прелестную головку, но какая бы беда ни приключилась...

– Ох, не зарекайся, милый, не надо. И не сердись. Пожалуйста...

В сенях гроыхнули дверь. Послышались быстрые шаги. Туды ж растуды ж! Никого и никогда здесь не научишь стучать, прежде чем войти!

А в горницу, гроыхая железом, уже вваливался Освальд Добжиньский. Дверь за собой шляхтич не прикрыл. Стало свежо, потянуло сквознячком.

Бывший польский рыцарь-разбойник, а ныне знатный дружинник князя Александра, скалился во весь рот. Высокий, длинноусый, краснощекий он, казалось, наполнил собой и запахом ранней осени всю просторную избу.

– Тю! Агделаида, да ты никак плачешь? Обижает тебя твой Вацлав? Ты, ежели что, мне сразу говори – я его на поединок вызову.

– Чего надо? – оборвал неуместное паясничанье Бурцев.

– Мне – ничего, – отозвался тот. – А вот к супружнице твоей гость желанный явился. Так что возрадуйся, княжна и утри слезки-то!

– Гость? – малопольская княжна в изумлении воззрилась на пана Освальда.

Бурцев нахмурился. Здравсьте-пожалуйста! Только гостей им сейчас не хватало! Не ждем, вроде, никого

– Кто таков? Что за гость? Откуда?

– Монах странствующий. Ажно из самых святых земель идет. К тебе, Агделаидушка, просится.

В заплаканных глазах Аделаиды промелькнул интерес. А что, может, и вовремя незванный гость пожаловал – глядишь, и отвлечет княжну от неведомых тягостных дум...

– И чем же я могу помочь святому отцу? – спросила она.

– Весточку он тебе принес, Агделаида.

– Весточку? – Полячка смахнула слезу. – От кого?

– От братца твоего! От Болеслава...

– От Болеслава?! Не может быть!

Аделаида вмиг просветлела лицом. Захлопала в ладошки. Радовалась сейчас княжна ну совсем как прежде!

– Не может? – Освальд лукаво подмигнул. – А вот глянь-ка сюда. Это монах тебе просил передать.

На ладони добжиньца лежал крестик. Маленький, серебряный, неброский, но изумительно тонкой работы. Знаком был Бурцеву этот крестик. Точнее, не этот – другой, точная его копия – тот, что носила на шее Аделаида.

– Пилигрим в Кракове побывал, – объяснял Освальд. – Князь малопольский Болеслав Стыдливый с супругой своей венгерской княжной Кунигундой Благодетельной приветили паломника, обласкали, да при дворе оставили. Молва-то их самих чуть ли не святыми сделала, так что тут дело понятное. А недавно до Болеслава дошли от купцов слухи, будто в новгородских землях при славном витязе Вацлаве живет дочь Лешко Белого. Измучился братец твой, Агделаида. Хотел сам в гости ехать или посольство снарядить, как полагается, да опекун его – дядя Конрад Мазовецкий – воспротивился.

Старик Конрад – известный немецкий прихвостень. Русичей на дух не переносит, и юному князю Болеславу без ведома своего шагу не позволяет ступить. Ну а паломничек в благодарность за приют и хлеб-соль вызвался помочь княжескому горю: тайком от Конрада отправился вызнать, верно ли люди говорят, а коли верно – так и весточку передать пропавшей сестрице от братца. Ушел странник из Малополь-

ских земель тихо, незаметно: одинокий пилигрим – это ведь не княжеское посольство с дружиной. Ну, и с божьей помощью добрался до Пскова.

Подробностей Аделаида не слушала. Взяла крестик с руки рыцаря, сняла с шеи свой. Оба были схожи – один в один!.

– Да, это крест Болеслава, – княжна улыбалась – Вацлав, я хочу поговорить со святым отцом.

– Не возражаю, – пожал плечами он.

В самом деле – пусть скорбящая незнамо о чем супруга получит хоть какое-то утешение. Бурцев всадил раму с бычьим пузырем на место, кивнул добжинцу:

– Пойдем-ка, Освальд, кликнем пилигрима.

Долго искать паломника не пришлось Вон, стоитл у крыльца в плотном кольце дружинников. Монах улыбался, вроде бы демонстрируя приязнь, но глаза латинянина оставались холодны. Да, улыбка та – для виду, для отвода глаз. В глубине души католический падре, видно, все же, не жаловал сторонников византийской «ереси» и был в своих убеждениях непоколебим.

Бурцев протолкался поближе, прислушался. Пилигрим вещал что-то о Гробе Господнем и чудесах Святой Земли. Но вещал осторожно, стараясь обходить острые межконфессиональные вопросы и не будоражить чужую паству. Дипломат, однако... И – удивительное дело – по-русски латинянин говорил вполне сносно.

Да и вообще странен был странник. Кряжист, будто гном,

в кости широк. Плотный, но не толстый – не жирком, как иная монастырская братия, а мясом оброс. Привычного для многих клириков брюшка – нет и в помине. Аскетической худобы и изможденности тоже не заметно. Зато из-под широких одежд нет-нет, да и вынырнет рука, осеняющая на католический манер крестом покатуя грудь. Мускулистая, крепкая рука – такой не крестное знамение творить, а секирой махать, да чтоб поувесистей...

Если б не выбритая макушка и монашеская ряса, Бурцев ни в жисть бы не подумал, что перед ним – святой отец. Бывший омоновец обшарил гостя глазами. А то мало ли... Знал он однажды монахов, прятавших под рясами «шмайсеры». В Кульме два года назад те монахи такого переполоху наделали... Но нет – этот пилигрим мирный: ни пистолета, ни автомата, ни иного оружия из-под заляпанных грязью одежд не выпирало. И кольчужка под рясой, вроде, не звенит. Простой деревянный крест на груди, четки на запястье, да небольшая походная котомка на сучковатой палке-посохе, что прислонена к крыльцу – вот и весь багаж.

– Эй, падре, – окликнул он гостя.

Монах оборотил к Бурцеву лицо. Все та же фальшивая улыбка, все тот же неприязненно-острый взгляд пронзительно серых глаз.

– Отец...

– Бенедикт, – смиренно склонив голову, представился странник.

– Отец Бенедикт, милости прошу в дом.

Котомку гостя он внес сам. Заодно ощупал содержимое узелка. Ничего опасного: тряпье, да, может, харчи какие. Бурцев расслабился. Что он, в самом деле, прибодался к монаху? Человек услугу оказал – привет Аделаиде от краковской родни привез, а он все подвох ищет.

Глава 11

Наскоро накрыли стол – благо, на службе у щедрого князя было чем. Аделаида первым делом испросила у пришельца из Святой Земли благословения, а уж затем насела с вопросами. Монах отвечал спокойно, торжественно и неторопливо. Говорил много, но все больше о Божьем промысле, нежели о житье-бытье в Краковских землях. И демонстрировал при этом знание не только русского, но и польского языка. Бурцев слушал, мотал на ус. Как выяснилось, побитое, потрепанное татарами при Легнице и русичами на Чудском озере тевтонско-ливонское братство утрачивало былое влияние на Польшу. Даже братец Аделаиды, несмотря на тихий нрав, начинал задумываться, так ли уж необходима ему дядина опека, в значительной степени опиравшаяся на орденские мечи.

Дальше гость долго и занудливо разглагольствовал о добродетелях Болеслава Стыдливового и Кунигунды Благодетельной. Потом рассказывал скучные сказки о Святой Земле. Бурцев, к слову, поинтересовался насчет Хранителей Гроба, смутные и противоречивые слухи о которых доходили до Руси.

– Есть такие, – скупой ответил странник-богомолец. – Новый немецкий орден. Уж года два действует. А больше о нем, собственно, и сказать нечего.

Постепенно темы для разговора иссякли. Аделаида однако прощаться не спешила. Все поглядывала искоса на мужа, мялась... Наедине хочет побыть со святым отцом? Ладно, чего уж там, пусть пообщаются. Извинившись перед гостем и сославшись на занятость, Бурцев поднялся из-за стола, вышел.

Как только в сенях стукнула дверь, Аделаида бухнулась на колени. Поймала руку монаха, прильнула щекой, всхлипнула:

– Святой отец, Господом молю – спаси, помоги советом! Мочи нет терпеть!

Бенедикт нахмурился.

– Встань, дочь моя.

Пилигрим поднял княжну, усадил на лавку подле себя, огладил русые волосы полячки, чуть приобнял сотрясающиеся в беззвучных рыданиях плечи. Успокоил...

– Теперь говори, что гнетет тебя?

– Камень, отец Бенедикт. Тяжкий камень на душе лежит. И супругу милому о том сказать боязно.

– Прелюбодеяние?

Она отшатнулась.

– Как можно? Вацлава своего я люблю всем сердцем. И никто более... – Аделаида запнулась, вспомнив Фридриха фон Берберга.

Покраснела густо. Добавила:

– Теперь мне более никто не нужен. А горько мне от бес-

силия собственного чрева. Бесплодна я, святой отец. Не могу подарить мужу ни сына-наследника, ни дочь. Пока Вацлав вопросов не задает – мужчины о таких вещах задумываются не сразу. Ну, а как дознается он, что тогда будет? Бросит ведь меня Вацлав. Кому немощная жена нужна?

Монах молчал, размышляя. В холодных серых глазах паломника отражался испуганный взгляд дочери Лешко Белого и блеск невысказанной мысли.

– У Болеслава с Кунигундой тоже нет и не будет детей, – заметил странник. – И они не ропщут. Твой брат и его жена дали обет целомудрия. Они сознательно не предаются плотским утехам, дни и ночи проводя в душеспасительных молитвах.

– Грешна я, святой отец, – вздохнула княжна. – И слишком люблю Вацлава. Не по мне такой подвиг духовный. Ребенка я хочу. И Вацлав – чувствую – скоро о том заговорит.

– А твой муж? Любит ли он тебя?

Она всхлипнула:

– Пока – да. Что будет дальше, когда откроется моя женская немощь, – не знаю.

– Любая немощь – не что иное, как наказание за грехи наши, дочь моя, – вкрадчиво заметил отец Бенедикт. – И не одну тебя постигла такая кара.

Аделаида покорно склонила голову:

– То мне ведомо, святой отец. Вон – живой пример перед глазами. Ядвига – подруга моя и сестра названная – в

прошлом великая распутница и грешница – тоже бездетна. По доброй ли воле или из-за кары Божьей – не знаю. Но рыцарь ее, пан Освальд, и не желает иметь наследника, куда не вернет себе взгужевежевскую вотчину или не обретет новую. Да и сама Ядвига не шибко убивается. Но у нас-то с Вацлавом все иначе. Ужель я так сильно прогневила Господа, что...

Рыдания, душившие Агделайду Краковскую, не дали ей договорить. Паломник задумался. Но думал он недолго:

– Может, не твоя в том вина? Может, Господь не желает одаривать наследником твоего мужа? Расскажи, что он за человек? По пути сюда я многое слышал о нем. И, знаешь, некоторые вещи заставили меня насторожиться. Поговаривают, будто Вацлав колдовством и магией привлек под знамена новгородского князя нечистую силу и, якобы, потому русичи разбили ливонских рыцарей на Чудском озере.

Аделаида гневно сверкнула очами:

– Поклеп! Напраслина! Вацлав не имеет ничего общего с нечистым. Это ливонцы фон Грюнингена заключили союз с воинами изломанного креста, лживо именовавших себя небесным воинством.

– Но говорят...

– Мало ли что говорят! Я знаю Вацлава лучше, чем кто-либо другой. Два года назад, после разгрома немцев на озере Чудском, он мне поведал свою историю от начала до конца. Истинную историю, которую прежде от всех скрывал...

Монах прищурился.

– И что же это за история, дочь моя?

Голос паломника прозвучал бесстрастно, холодно и отстраненно. Княжна, спохватившись, прикрыла рот ладошкой:

– Я... я не могу говорить об этом. Вацлав просил. Я дала слово...

Пилигрим давил тяжелым взглядом:

– И все-таки... Если ты спрашиваешь моего совета и если ты, действительно, желаешь докопаться до сути своей беды, я должен хотя бы в общих чертах знать, каков человек, от которого ты ждешь и не можешь дожидаться ребенка?

– Он ... – Слова Аделаиде давались с трудом. – Он из другого мира... Мира ненаступивших времен... В это трудно поверить и еще труднее понять, но... Ох, нет, простите, святой отец. Я не могу. Это невероятная история. Но в ней нет ничего предосудительного. Это сокровенная тайна моего супруга. Поговорите лучше с ним... Если он сочтет нужным, пусть откроет ее сам. Знаете, я уговорю Вацлава рассказать вам обо всем. Или нет, лучше попрошу, чтобы он позволил мне...

– Не стоит, дочь моя, – покачал головой латинянин. – Этого делать не нужно. Сейчас важно другое: ты уверена, что знаешь о своем муже все? И знаешь истину?

– Да, святой отец. Мы давно не скрываем друг от друга ничего. То есть... – она всхлипнула, положив руку на жи-

вот. — То есть почти ничего.

Отец Бенедикт кивнул:

— Что ж, я верю тебе, дочь моя. Если в тайне Вацлава нет греха, тогда нужно искать иную причину твоих несчастий. В каком браке вы живете?

Княжна опустила глаза. Княжна рассказала...

Глава 12

– Вот и ответ на твой вопрос, Агделайда. – Монах смотрел прямо, жестко, неумолимо. – Служитель божий венчал вас под страхом смерти не в храме святом, как положено, а среди глухих куявских лесов. Это грех, ибо ваша разбойная свадьба не угодна Господу. В том грехе часть вины лежит на брате моем, коего вы силой принудили творить обряд, но ваша вина неизмеримо больше. А более всего виновата ты. Потому и покарал тебя Господь, не дав детей и радости материнства.

– Каюсь, святой отец. Но что же нам теперь делать? Венчаться с Вацлавом снова? Я знаю — он не откажет. Ради меня он согласится венчаться хоть в православном, хоть в католическом храме. Ну, я так думаю...

– Дважды под один венец не ходят, — насупил брови странник. Голос его звучал все так же сурово. — А ты уже слишком погрязла в грехе и блуде. Ты спрашивала у меня совета, Агделайда Краковская, дочь Лешко Белого? Так вот тебе мой совет: замаливай, пока не поздно, свои и мужнины грехи в монастырской обители. Коли хочешь, я сам проведу тебя к сестрам, которые...

Она отстранилась. Сказала твердо:

– Нет! В монастырь мне еще рано. Я ведь говорила, что судьба Болеслава и Кунигунды — не по мне. Господь мило-

стив, и я верю – он простит меня за недостойное венчание, ибо венчались мы с Вацлавом хоть и не по всем правилам матери церкви нашей, но по великой любви. Если же не дано мне иметь ребенка, то и Вацлава я терять не согласна. Время, которое нам отмерено для жизни вдвоем, я возьму сполна – до последнего дня. А уж потом... Может быть, потом и придет черед монашеской обители, а покуда рядом муж мой любимый... Спасибо за совет, отец Бенедикт, но коли нет для меня иного пути...

Она выразительно глянула на дверь.

Монах кивнул. Монах подобрел лицом, хотя глаза его по-прежнему обдавали стальным холодком.

– Что ж, есть еще один способ, дочь моя. Верный способ. Если ты сильна духом и крепка верой, то во искупление грехов своих не медля отправляйся в Святую Землю поклониться Гробу Господню. Я знавал немало женщин, чье иссохшее чрево оживало после паломничества к Иерусалимским святыням. Думаю, Господь, видя твое усердие и раскаяние, смиростивится и над тобой тоже. И в великой милости своей простит грех великий. И тебе простит, и Вацлаву твоему.

Агделаида Краковская посветлела. Вновь пала на колени, прильнула устами к крепкой руке странника:

– Благодарю, святой отец! Надежда, что мне подарена...

Рука богомольца вырвалась. Указательный палец поднялся назидательно.

– Уйми веселье и не радуйся прежде времени. Дорога твоя

будет нелегкой и долгой. Ибо ты должна смирить гордыню и отправиться в путь, как подобает кающейся грешнице – без свиты, без мужниной или чьей-либо еще защиты, пешком и в убогом рубище.

Полячка улыбнулась в ответ:

– Для меня это лучше, чем провести остаток дней в монастыре. Сколь ни трудна дорога, рано или поздно она завершится. А уж когда я вернусь к Вацлаву, все у нас будет иначе. Совсем иначе. Вот только...

Она задумалась.

– Что тревожит тебя, дочь моя? – спросил латинянин.

– Вацлав ни за что на свете не согласится отпустить меня одну.

– Даже ради спасения твоей и своей души? Даже ради обретения сына или дочери?

– Видите ли, святой отец, мы уже расставались не единожды. И теперь мой супруг боится потерять меня снова. Я хорошо знаю Вацлава – он, скорее, посадит меня под замок, либо сам отправится следом – тайно ли, явно ли. А ведь это не будет угодно Господу?

Отец Бенедикт чуть скривил губы в подобии улыбки:

– Не будет. Но тебе совсем необязательно говорить обо всем мужу. Коли любит – он поймет и примет тебя после возвращения из Святой Земли. А нет – так нужен ли тебе такой супруг? Решайся.

Аделаида, помолчав несколько секунд, кивнула:

– Я решила, святой отец.

– А я благословляю! Аминь!

Странствующий монах осенил склоненную голову княжны крестным знамением ...

– Ох, и не нравится мне этот латинянин. – Сотник Дмитрий еще раз зыркнул на затянутое пузырем окно.

– Что ж так? – Бурцев и сам не отводил глаз от дома. Непокойно отчего-то было на душе.

– Да уж больно сыто выглядит для калики перехожего.

– Ну, мало ли... паломников из Святой Земли многие привечают. И накормят, и напоят. Не одни ж Болеслав с Кунигундой такие сердобольные.

Дмитрий гнул свое:

– Вон и Бурангулка верно подметил: пехом монах прибыл, а обувка-то не сбита даже, не стерта. Как же он дошел до Пскова, не стоптав подошвы, а? Не по воздуху же перенесся!

Татарский юзбаши Бурангул стоял тут же – цокал языком, качал головой, твердил без умолку:

– Плохой гость, плохой...

– Да уж, конечно, – из последних сил бодрился Бурцев. – Незванный гость – он завсегда хуже татарина.

Никто не улыбнулся.

– Плохой гость... – повторил степняк.

– Моя тоже так думайся, – вставил свое слово китайский мудрец Сыма Цзян. – Не похожая эта путника на божья человечка. Беда можется статья.

– Ну, хватит вам, накаркаете еще!

Блин, сговорились, они, что ли... Вот ведь тоже друзья-соратнички! Вместо того, чтоб успокоить – нервы треплют. Хорошо хоть Освальд со Збыславом и дядькой Адамом не принимают участия в импровизированном слете кассандр. Пока новгородец, татарин и китаец в три голоса грузили воеводу мрачными пророчествами, польский рыцарь, здоровяк-литвин и пожилой прусский лучник оживленно обсуждали новости, принесенные пилигримом из Польши.

– А ты, все-таки, подумай, Василь, – не унимался Дмитрий.

Бурцев поморщился. Да думает он, думает... Не каждый день ведь встречается накачанный, как культурист, паломник. Но крест, даденный Болеславом, снимал с монаха все подозрения. Ну, или почти все. Аделаида подделку раскусила бы в два счета. Да и он сам тоже. Нательный крестик жены Бурцев изучил до мельчайших подробностей. Заметил бы, если б что не так.

Княжна вышла на порог первой. Не вышла – выскочила, козочкой сбежала. Радостная, веселая. От былой кручины не осталось и следа. И все тревожные мысли Бурцева вмиг улетучились. Улыбается Аделаидка – да и ладно! За то странному пилигриму многое простить можно. Эх, вывести бы еще, чем пронял так паломник нашу несмеяну.

Отец Бенедикт со своей котомкой появился следом. Неторопливый, но тоже довольный. Будто кот, слизнувший чу-

жую сметану.

Бурцев попросил Дмитрия:

– Кликни какого-нибудь отрока из младшей дружины – да посмышленной. Пусть пристроит гостя на отдых.

Добавил, подумав:

– Ну, и присмотрит пусть за святым отцом. Так, на всякий случай.

Новгородец понял. Правильно понял. Кивнул:

– Двух лучших отроков при латинянине поставлю. Глаз с него ребятки мои не спустят.

... А ночью было круто и страшно.

– Милый! Милый! Любый мой!

Только что народившийся молодой месяц тщился заглянуть за мутный бычий пузырь окна, а Аделаида, охладевшая в последнее время ко всем радостям жизни, словно пыталась наверстать упущенное.

– Милый! Милый!... А-а-ах!

– Ну, ты даешь, подруга! – Бурцев, обессиленный и счастливый, едва дополз со смятого ложа до братины с медовой. – Откуда такая ненасытность-то? Прямо как последний день вместе живем.

В густом полумраке опочивальне воевода не видел, как посерьезнело и погрустнело лицо жены.

Глава 13

– Василь! Вставай! – кто-то яростно тряс его за плечо.

Утренние лучи только-только пробивали муть окна, после бурной ночи не хотелось шевелиться. Постель казалась просторной и уютной. Покидать ее? Неужто придется? Неужто заставят?

– Василь!

Он с трудом разлепил глаза. Проморгался...

Да какого тут происходит?! Совсем сдурели! Бесцеремонно вторгаются прямо в опочивальню княжеского полутысячника! Будят в такую рань без сигнала тревоги! Кто посмел?! Кого тут спустить с крыльца пинком под зад?! Вот ведь мля-размля! Пороть дружинников надо за незнание хороших манер!

– Дмитрий, ты, что ль?

Этот без причины тревожить не стал бы...

– Я. Поднимайся, Василь! Скорей!

– Да тише ты!

Бурцев проснулся окончательно. Правая рука рванула меч из-под ложа, левая торопливо шарила в полутьме по скомканной постели. Новгородец-сотник сопел как паровоз и говорил, не таясь. Не дай Бог, Аделаидку разбудит, напугает.

– Что стряслось, Дмитрий? Поход? Набег? Город штурмуют?

А родного, теплого, разомлевшего от сна тела в ночной сорочке рука никак не нащупывала. Там, где должна бы лежать Аделаида, валялись лишь смятые медвежьи шкуры.

И вот тут-то Бурцева словно из ушата ледяной водой окатили. Вскочил как есть – в исподнем. С мечом в руке. Готовый рубить и кромсать. Куда?! Где?!

– Не поход, не набег, Василь, и не штурм, – хрипел над ухом встревоженный голос новгородского сотника. – Монах! Латинянин!

– Какой монах?! Какой латинянин?!

Бурцев не понимал. Ничего и не понимал. «Куда?! Где?!» – билось в голове. Она ведь засыпала под утро на его плече. И должна спать сейчас вот здесь, на этом самом месте!

– Ну, тот самый, – бормотал Дмитрий. – Пилигрим. Бенедикт который. Сбежал. Ушел по Смоленской дороге с час назад, едва Смердьи ворота открылись.

К едрене матери пилигрима! Аделаида где?!

– Где она?! Жена моя где?!

Брошенный меч звонко грянул об пол. Бурцев двумя руками схватил сотника за грудки, будто тот и никто другой был повинен в исчезновении полячки.

– Пусты Василь. С ним супружница твоя ушла – с монахом этим.

– Как так ушла?!

– А вот так! Вдвоем вышли из города. На рассвете. С первым же купеческим обозом. Агделаида сказала страже, буд-

то хочет проводить пилигрима и получить последние напутствия от святого отца. И...

– И?

– Не вернулась княжна.

– погоди, а как же сторожа, которых ты к монаху приставил?

– Обоих отроков нашли в гостинной избе, куда определили Бенедикта. Мертвыми нашли, хоть и при оружии. У одного кадык сломан. У другого шея свернута. Напал, видать, нежданно латинянин этот и голыми руками с обоими управился. А уж потом с супружницей твоей встречаться пошел.

Бурцев тяжело опустился на постель. Вот тебе и падре, вот тебе и святой отец! Да, всякое у них с Аделаидой бывало, но чтоб княжну умыкнули прямо с супружеского ложа – такого еще не случалось. Хотя какое там умыкнули – сама ведь пошла. Как за Фридрихом фон Бербергом, что два года назад вскружил голову неразумной девчонке. Правда, сейчас было что-то другое. Сердцем чуял Бурцев – совсем иное сейчас было.

За окном на дружинном подворье уже царил переполох. Бряцало железо, ржали кони, суетились, кричали люди.

– Погоня? – коротко спросил Бурцев.

– Снаряжается, – так же кратко отрапортовал Дмитрий. – Общую тревогу я поднимать не стал. Тебя вначале разбудить решил, да ребят наших, да сотню Алексича.

– Я сам поведу! – Бурцев вскочил с ложа, подобрался. Не

время сейчас раскисать.

Оделся быстро – по старой армейско-омоновской привычке. Штаны, сорочка, сапоги. Толстый стеганный поддоспешник. Кольчуга – не утопленная в Волхове неуязвимая фон Бербергова бронь, конечно, но тоже добрый доспех. Створчатые, будто гигантские моллюски, блестящие наручи. Куполообразный шлем с забралом-личиной – вроде княжеского, только без позолоты. Простые ножны на поясе. В ножнах – подобранный с пола меч. Распоряжения Бурцев давал на ходу – сбегая с крыльца.

– Коня мне. Нет, двух. И чтоб у каждого по загонному коню было.

– Стоит ли? – засомневался Дмитрий. – Агделайда с монахом пешком ушли. А купеческий обоз мы и так нагоним.

– А если Бенедикта сообщники дожидались с лошадьми? Новгородец умолк. Бурцев продолжал:

– Со мной едут только наши.

«Только наши» – значит, старая гвардия – проверенные в Польше, Пруссии, на Чудском озере и под Дерптом ветераны. Надежный костяк всей его полутысячной дружины. Дмитрий молча кивнул.

– Всем быть при оружии. И знаешь, что еще... Скажи Сыма Цзяну, пусть прихватит самострелы-громометы, что выдал князь. И гранату тоже – ну, ту малую булаву, начиненную громом и молниями.

– Даже так?! – удивился Дмитрий. – Хочешь взять оружие

«небесного воинства»?

– Да, хочу, – отрезал Бурцев.

Уж очень не нравился ему странный монах, профессионально расправившийся с двумя вооруженными отроками и одной-единственной беседой склонивший дочь Лешко Белого к тайному побегу. С такими «божьиими людьми» ухо надо держать востро.

– Гаврила, стой! – Алексича, при доспехе и с булавой, он перехватил у конюшни. – Ты остаешься с гарнизоном. И сотня твоя тоже.

– Да как же, воевода?!

– А так! Пока меня не будет в Пскове – принимай команду над дружиной. Посадника поднимите. И всем быть начеку. Миша, дружок твой, путь помогает —, пешцев на стены выводит.

– Так ведь в дозоре Миша-то, – напомнил Гаврила. – У балвохвальской башни дежурит.

– Значит, без Миши управляйся. Все. По коням!

Глава 14

Небольшой вооруженный отряд с запасными лошадьми в поводу промчался под аркой Смердых ворот, вылетел на накатанную обозами Смоленскую дорогу и скрылся в лесах понад рекой Великой.

Новгородец Дмитрий вез воеводский вымпел. Треугольник алой материи бился на ветру. Рядом – в руках татарского юзбаши Бурангула – развевался сигнальный бунчук. Тесной группкой вокруг воеводы-полутысячника и знаменосцев скакали Освальд, Збыслав, дядька Адам и Сыма Цзян. Седельную сумку Бурцева оттягивали «шмайсер» и осколочная граната-колотушка «М-24». Китайский мудрец – единственный толковый автоматчик из всей дружины – тоже вез у седла «МП-40».

Чуть поотстав, следовало сопровождение: четыре десятка русичей и степняков-кочевников – немногие уцелевшие в битвах участники Силезского похода Кхайду-хана. Всего в погоню отправилась неполная полусотня.

Обоз настигли быстро. Расспросили. Узнали у перепуганных купцов: да, видели, да выходили из Смердых ворот еще двое – странствующий монах-латинянин и красивая, но печальная женщина в рубище. Но оба отстали от обоза – свернули с дороги в лесную глухомань, едва скрылись из виду башни псковского Крома. А куда направились – неизвестно.

Для полноценной облавы людей не хватало. Но и вывести из Пскова всю дружину, оставив город без охраны, Бурцев не имел права. А ну как дерзкая выходка отца Бенедикта – всего лишь военная хитрость? Что если поблизости затаились ливонцы и ждут – не дождутся, когда, встревоженный похищением воеводовой жены, гарнизон покинет крепость? Да и возвращаться назад в Кром – значит терять драгоценное время.

Без толку кружили битый час, пока не отыскиали, наконец, следы беглецов. Свежие отпечатки подкованных конских копыт... Лошадей – с полдюжины. Все-таки не один был Бенедикт! Ждали все-таки монаха в условленном месте верные люди и быстрые кони.

Двинули по следу. Вышли к единственной тропке в этих лесах. А узкая стежка вела к...

Стоп! Арийская башня! Уж не в ней ли кроется разгадка таинственного похищения? Только вот на кой сдалась Бенедикту эта башня? Зачем католическому монаху с чужой женой бежать к языческой святыне древних ариев? Ладно, по крайней мере, в бессмысленных блужданиях появилась хоть какая-то цель.

– К балвохвальской башне! – приказал Бурцев.

И опустил забрало-личину. Что-то подсказывало: будет жарко.

Коней пустили в галоп. Если дело, действительно, в ней, в этой треклятой башне, то – спасибо Александру Яросла-

вичу – охрана там поставлена не зря. Добрая охрана, надежная... Сторожа-дружинники уже должны были скрутить святого отца и задержать спутницу Бенедикта. Опытные воины Миши Новгородца – лучшего друга Гаврилы Алексича всегда стражу несут справно. Это вам не пара беспечных юнцов-отроков. Да и сам Миша – парень не промах. Смышлен и силен наш Миша. И все-же...

– Дмитрий, – Бурцев повернулся к знаменосцу. – Возьми двух человек и скачи вперед. Сгоняешь к балвохвальской башне в дозор. Разведаете, что, да как. И поосторожней в дороге. От латинянина этого чего угодно ожидать можно.

Дозорные вернулись через полчаса. Ошарашенные, взволнованные. «Беда!» – сразу понял Бурцев.

– Что там, Дмитрий?

– Миша убит. Ребята его – тоже.

– Что?!

Новгородец протянул руку:

– Вот, взгляни...

Ох, ни фиги ж себе! Маленькая стрелянная гильза лежала на огромной ладони русича. Девять миллиметров – калибр «ПМ». Или «МП»... «МП-40» – «шмайсеровский» калибр!

Час от часу не легче! Бурцев взял гильзу. Да, вне всякого сомнения, «шмайсеровская». Точно такую же, только в золотой оправе, носила Аделаида. Сувенирчик то был взгужевежский. Подвесочка, побрякушка, безделушка... Но это... Ё-пэ-рэ-сэ-тэ! Это-то что такое?

Бурцев прикрыл глаза, переживая буханье в груди и шум в ушах. Опять?! Неужели, опять цайткоманда? Но ведь у Бенедикта в котомке никакого оружия не было – сам проверял! Да, у Бенедикта не было. А у поджидавших его сообщников?

– Возле балвохвальских развалин такого добра много набросано, – как сквозь вату, доносился до Бурцева голос Дмитрия. – Невидимые стрелы летали там, Василь. Я осмотрел тела погибших и...

Он не слушал своего сотника.

Бум! Бум! Бум! – громыхало в груди. Бред! Бред! Бред! – билось в мозгу. Ну не может этого быть! Никак не может! Цайткоманда СС уничтожена два года назад. Вся уничтожена. Единственный уцелевший эсэсовец – кульмский сержант-шарфюрер должен был либо сойти с ума на проклятой мельнице, либо сдохнуть на тевтонской виселице.

Что ж, выходит, иногда, мля, они возвращаются! Выходит, что-то он все же упустил. Выходит, достал не всех хронодиверсантов фон Берберга. А вдруг это новая цайт-диверсия? Новая цайт-команда? Не-воз-мож-но! Невозможно такое! Без малой башни перехода, без заклинания-якоря... Или все же возможно? Вопросы, вопросы... Одни лишь вопросы – и не единого ответа. Сам виноват, успокоился, блин, за два года, оброс жирком на княжых харчах, потерял нюх на опасность. Кретин! Хватать нужно было сразу подозрительного монаха и устраивать допрос с пристрастием, а не приглашать в свой дом, не оставлять наедине с Аделаидой.

Глава 15

– Василь, мертвых надо бы отвезти в Псков, да схоронить. – Дмитрий тронул его за плечо. – А то давно уж они там лежат.

– Давно? – Бурцев удивленно глянул на сотника.

– Сутки, а то и поболее.

Ясно... Все становилось ясно, как Божий день. Бенедикт не пробивался сегодня с боем к башне ариев. Он явился из нее. Вышел раньше, как выходили из донжона Взгужевежи штурмовики фон Берберга. Вышел, ударил в спину Мишиным ратникам, перебил охрану. После – осмотрелся, обнюхался и лишь тогда отправился в Псков. Дальше – все просто: Аделаиду в охапку – и бегом обратно к магической платц-башне. Примчался, пробормотал заклинание перехода – и ищи-свищи теперь ветра в поле.

– Там, у башни никого нет? Живых, я имею в виду?

– Мы никого не видели, Василь. Да и не смотрели особо. Откуда там живые? Нашли вот трупы, да кусочки от невидимых стрел – и сразу к тебе.

Конечно. Никого в древних развалинах и не будет! Бенедикт – не дурак дожидаться погони. Бенедикт вообще не дурак. Дурак не смог бы невесть где раздобыть крест Болеслава Стыдливового и провести Аделаиду вокруг пальца. Впрочем, крест – это уже не важно. Важно – куда святой отец напра-

вился по незримым тропам арийских магов? Куда увел Аделаиду?

«Ушли! Ушли! Ушли!» – пульсировало в мозгу. Безвозвратно ушли...

Или не безвозвратно?

Васек, возьми себя в руки! До полнолуния еще далеко, и будь даже у Бенедикта малая шлюссель-башня, ему не переправить Аделаиду в будущее. А магического ключа-башенки у Бенедикта нет. Не может быть! Все магические ключи уничтожены. Заклинание-«якорь»? Тоже сомнительно... Ставить «якорь» в двадцатом столетии должен переправленный туда человек из тринадцатого. Слишком сложно... И, опять-таки, без шлюссель-башни тут не обойтись.

Но тогда... Тогда, выходит, обратного цайт-прыжка не было! Была телепортация. Перемещение в пространстве, но не во времени!

А раз так... Бурцев вдохнул глубоко и сильно. Раз так, то он отыщет Агделаиду Краковскую хоть на краю света...

– Сыма Цзян, ты еще помнишь арийские заклинания?

– Моя ихняя никогда не забывайся!

– Хорошо! Сможешь провести нас через арийскую башню дорогой Бенедикта?

Сейчас не до запретов князя Александра! Сейчас только древняя балвохвальская магия позволит им настигнуть беглецов. Последнее перемещение от башни к башне в пределах одних временных границ оставляет четкий след, кото-

рым можно воспользоваться – это Бурцев прекрасно усвоил еще в Дерпте. А мудрец из Поднебесной Сыма Цзян знал, как идти по магическим межбашенным следам.

– Пройти туда, куда прошла монаха и твой жена, можна, – закивал китаец, – но только если в башня не выставляйся колдовская защита.

Точно! Бурцев скрежетнул зубами. Он совсем забыл! Если Бенедикту известно, как блокировать магический портал – защита, наверняка, стоит. Ладно, проверить это можно только одним способом.

– Дмитрий! Гонца в Псков, – приказал Бурцев. – Доложить обо всем Гавриле. Пусть усилят караулы, пусть известят князя Александра. И... и на нас пусть пока не рассчитывают. Мы ищем Аделаиду. Все.

Гонец ускакал через полминуты. Что ж, можно считать, долг воеводы исполнен, псковский гарнизон предупрежден. Пора...

– За мной! – рявкнул Бурцев.

И всадил шпоры в конские бока.

Снова мчали по лесу – пригнувшись, во весь опор, не жалея лошадей и собственных глаз. Ветви хлестали по шеломам и кольчугам. Упругие мохнатые хвойные лапы норовили сбросить с седла. Высокий кустарник цеплялся за ноги всадников и конские попоны. А копыта взметали грязь и первую опавшую листву едва ли не до самых верхушек сосен-великанов. Зато к древним развалинам спешили меньше, чем за

четверть часа.

Первыми на открытую поляну влетел воевода со знаменосным отрядом из шести человек. Ворвались тесной гурьбой, натянули поводья, оглядываясь, дожидаясь остальных.

Тишина. Заповедная затаенная тишь заброшенного колдовского места...

Огромные, замшелые, обросшие чахлым кустарником и неказистыми кривыми елочками, глыбы громоздились на обширной лесной проплешине. В центре – гигантский круг-мegalит. То самое, пропитанное арийской магией основание башни. Вокруг – бесформенное каменное месиво. А под камнями – тела в боевых бронях. Десять дружинников. Одиннадцатый – Миша. Узнать бойцов сейчас можно было лишь по доспехам: лица и незащищенные железом части тела уже погрызены зверьем. Кое-где под металлом белеет голая кость.

Судя по пробитым кольчугам, щитам и шеломам, в каждого дружинника вошло по несколько пуль. Больше всего досталось Мише – его буквально изрешетили автоматными очередями.

Можно вообразить, какая тут была пальба. Развалины арийской башни извергли целый отряд, и отряд немалый. В грязи под копытами поблескивали щедрые россыпи гильз. Ну словно специально напоказ вывалены. Как приманка. Напоказ?! Приманка?!

Додумать тревожную мысль Бурцев не успел. Обманчивая

тишина взорвалась. Да как! Грохотом по ушам. Знакомым лаем ручного «MG-42» и стрекотом «шмайсеров». Пулемет ударил с открытого пригорка – справа. Автоматчики били из леса – слева. И из-за разбросанных глыб тоже били...

Отставшая дружина Бурцева попала под прицельный перекрестный огонь. Стрелки из засады грамотно отсекали от командного авангарда отряд сопровождения. Отсекали и безжалостно уничтожали.

Длилось это недолго. Старая гвардия полегла в считанные секунды. Все четыре десятка. С лошадьми. Полудюжина уцелевших под знаменем и бунчуком всадников, во главе с псковским воеводой, вертелась на месте, пытаясь сладить с перепуганными конями. Отступать назад – по трупам и пристрелянной тропе – теперь поздно, неразумно... Оставалось одно – прорываться вперед, к развалинам арийской башни. Развалины звали, манили и...

– За камни! – приказал Бурцев.

Нагромождение циклопических плит было здесь единственным надежным укрытием. И единственным шансом на спасение. Или хотя бы на отсрочку неминуемой гибели.

Они погнались. Они рвались меж двух огней – пулеметным и автоматным. Но и их тесную группку уже поймали в прицелы. Пули взметнули фонтанчики грязи под копытами. Выщербили замшелые глыбы. Рухнул на полном скаку конь Освальда. Покатился через голову раненого жеребца Збыслав. Ловко прыгнул с падающей лошади Бурангул.

«Понизу быют — по коням, — догадался Бурцев. — Живьем хотят взять!». Правильно догадался: и под ним седло вдруг нырнуло вниз. Земля же, наоборот, поднялась, встала на дыбы, ударила с маху. А рядом уже падали с подстреленных лошадей дядька Адам и Сыма Цзян.

Глава 16

Стрельба стихла. Неожиданно – как и началась. В грязи бились и ворочались конские туши и человеческие тела. Кони хрипели, молотили воздух перебитыми ногами. Люди откатывались в сторону.

– Не расползаться! – прикрикнул Бурцев. – Все ко мне!

Его конягу сшибли у каменного развала, неподалеку от основания арийской башни перехода. Укрытие вполне годилось для круговой обороны. Было бы только чем обороняться.

Бурцев судорожно развязывал седельную сумку со «шмайсером». Сыма Цзян тоже не сплеховал – срезал свою, шустрой змейкой юркнул под глыбы. Что ж, два ствола – это уже кое-что.

Остальные тоже были в сборе. Сломанный стяг и бесполезный бунчук лежали на истоптанной земле, но оружия своего никто не бросил. Привалились спинами к древним каменным плитам Освальд и Дмитрий с обнаженными мечами. Збыслав нервно позвякивал цепью кистеня-мачуги. Дядька Адам и Бурангул тянули из колчанов первые стрелы.

Конечно, теперь их отсюда не выпустят. Но и так просто не возьмут. «Эх, жаль, тесно сидим», – сокрушено подумал Бурцев. Одной гранаты хватит, чтобы нашпиговать осколками всех до единого. Но гранаты в их сторону пока не летели.

Стрельба тоже не возобновлялась. Слышно было лишь жалобное ржание раненных лошадей.

– Эй! Полковник Исаев! Ты-ты, который воевода Василий...

Голос – наглый, громкий – прозвучал из-за соседнего завала. Кричали по-русски. Не по-древнерусски даже, а именно по-русски – на языке, знакомом Бурцеву с детства. Правда, с отчетливым немецким акцентом.

– С тобой говорит оберштурмфюрер СС Вильгельм Майер. Твоя жена у нас. Если хочешь увидеть ее целой и невредимой – выходи. Дружков твоих не тронем. Нам нужен только ты. Даю на раздумье три минуты. Решай – время пошло!

Вот так, значит, да? Про полковника Исаева этим ребятам известно. А Аделаида в их игре – всего лишь первый малый приз. И одновременно – приманка. Настоящая же охота ведется за ним. И что теперь? Выйти? Сдаться? Это проще всего. И глупее всего. И дело даже не в собственной судьбе. Выполни он сейчас требование гитлеровцев – и, считай, будет подписан, смертный приговор соратникам, напряженно взирающим на него. Обещаниям фашиков – грош цена. «Небесному воинству» невыгодно оставлять свидетелей своего возвращения.

– Чего хотят? – нахмурился Дмитрий. Русичу из тринадцатого века понять язык двадцатого столетия непросто.

– Хотят, чтоб я сдался.

– Не делай этого, Василь! Слышь, не верь им, не выходи!

Освальд тоже качал головой. И Бурангул. Мнения остальных можно не спрашивать – Збыслав, дядька Адам и Сыма Цзян молчаливо и деловито готовились к бою.

– Пол-ков-ник, первая минута прошла-а! – проорали из-за камней. – Осталось две-е!

Горластый гад... Бурцев мучительно соображал. Выходить? Не выходить? Если выйти, ценность сведений, которыми располагает Аделаида о своем муже, а значит, и ценность жизни самой княжны в глазах фашиков сразу снизится. Основным источником информации станет он. А его супруга превратится в предмет манипулирования, в рычаг воздействия на источник. О том, как этот рычаг используют, о том, что сделают эсэсовские палачи с Аделаидкой, не хотелось даже думать.

– Две минуты вышло! – объявил невидимый оберштурмфюрер. – У тебя осталось шестьдесят секунд, полковник. Подумай об Агделаиде! Подумай о своих людях, которым суждено умереть из-за твоего упрямства.

Думал... Бурцев думал. И делал выводы. Во-первых, пока он на воле, Аделаиду не тронут – наоборот, будут беречь, как зеницу ока, как синицу в руке, на которую, глядишь, – и клюнет парящий в небесах журавль. Во-вторых, – пока он сидит здесь, за каменной баррикадой, среди верных соратников, сюда не залетит ни одна граната, ни одна пуля. Ценный источник информации будет живым щитом для остальных осажденных.

Неожиданная догадка заставила его улыбнуться. Елки-палки, а ведь эсэсовцы не знают, кто из них кто! Возможно, отец Бенедикт и дал своим приспешникам словесный портрет псковского воеводы, возможно, монах и сам сейчас наблюдает за операцией. Да только пилигрим не видел «полковника Исаева» в боевой броне. Сейчас же под закрытыми шлемами, опущенными забралами, полумасками и застегнутой наглухо бармицей не шибко и различишь физиономий. Вон даже Бурангул с Сымой Цзяном зыркают узкими глазами из-под надвинутых по самые брови шишаков с меховой оторочкой, а стоячие стеганые воротники плотных, в металлических нашлепках боевых кафтанов закрывают азиатам всю нижнюю часть лица. Збыслав и дядька Адам тоже теперь носят дружинные шеломы со стрелками-наносниками и защитной кольчужной сеткой спереди. Освальд воюет в трофейном ведре-топхельме. Дмитрий смотрит через глазницы полумаски. Сам Бурцев носит шлем с личиной. А надежный, но простой доспех воеводы-полутысячника ничем не выделяется среди брони рядовых дружинников.

В общем, немудрено, что немцы не решились выбивать тесную группку под командным стягом и сигнальным бунчуком – побоялись ненароком уложить «Исаева». Не угадав, кто из передовой полудюжины является воеводой-полковником, гитлеровцы посекали очередями задние ряды дружины, да срезали лошадей авангарда. И теперь кусали локти: хотелось достать важного пленника, а никак.

– Время, полковник! Ты выходишь?!

Бурцев на слух засек позицию оберштурмфюрера. Метров тридцать пять до нее будет. Эсэсовский переговорщик сидел на одном месте – не переползал от камня к камню, не двигался. Что ж, если постараться, можно подкинуть Майеру «гостинец».

Бурцев отложил в сторону «шмайсер», вытащил из седельной сумки «М-24». Граната была не на боевом взводе. Предстояло отвинтить от цилиндрического корпуса ручку с воспламенителем и пороховым замедлителем, вставить внутрь капсюль-детонатор, снова прикрутить деревянную рукоять к железной «колотушке».

– Вы-хо-дишь?!

Нет, выходить нельзя, ни в коем случае нельзя. Но нужно потянуть время – продемонстрировать готовность выйти. Нужно выдвинуть условие – особое, изначально невыполнимое.

– Вильгельм Майер! – крикнул Бурцев. – Ты сказал, моя жена у тебя? Я хочу знать, что она жива! Покажи ее мне! Тогда поговорим!

Пауза. Молчание. Ага, кажется, он попал в точку. Отец Бенедикт, как и следовало ожидать, давно отправил отсюда Аделаиду по магическому portalу.

В наступивший тишине Бурцев подготовил гранату к бою. Сжал в правой руке. Левой – вытянул шнур с фарфоровым шариком на конце. Чека такая у фашиков...

Переговорщик вновь подал голос. С того самого места, где сидел раньше – вот и славно!

– Полковник, ты должен понимать, что в сложившейся ситуации условия ставим мы!

Майер еще пытался быть наглым и нахрапистым. Бурцев не уступал:

– Мне нужны гарантии, оберштурмфюрер! Без них я не выйду. И не пытайтесь меня обмануть. Я прошу немного: покажите мне жену.

– Но...

– Никаких «но»! Теперь я даю время на размышление. Минуту!

От такой дерзости Майер снова заткнулся. Надолго. Да, все ясно: была бы здесь Аделаидка – уже показали бы. Ничем ведь не рискуют.

Минута прошла. Наверное...

– Эй, оберштурмфюрер?! – поторопил Бурцев.

Вильгельм Майер отозвался. Гонора у него заметно прибавилось:

– Я не могу сам решить этот вопрос, полковник. Мне нужно доложить начальству. Твоя жена находится сейчас в другом месте.

Что ж, лишь бы не в другом времени. Бурцев вырвал фарфоровую бусину из деревянной рукояти «М-24».

– Девчонка жива, уверяю тебя, полковник...

Бурцев выждал немного: замедлитель в немецких грана-

тах времен Второй мировой тлеет слишком медленно. А бросать надо так, чтобы враг не успел вышвырнуть «гостиниц» со своей позиции.

– Мы готовы доказать это, но нам потребуется время.

Время! Чуть привстав, он швырнул гранату на голос. Нырнул обратно – за камни. Взрыв. Вскрик.

Одним оберштурмфюрером стало меньше...

Ага, не ожидали?! В щель меж замшелыми глыбами видно было, как заметались по развалинам встревоженные фигуры в желто-коричневой форме, касках того же песочного цвета и ботинках с короткими крагами. Станный прикид... Вообще-то похожее обмундирование во время Второй мировой носили солдаты Вермахта из Африканского корпуса и эсэсовцы, воевавшие в Италии, на Балканах и на Юге России. Блин, откуда ж явились эти фашики?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.